

Колдовская мания 1692 года

Томас Хатчинсон

THE
WITCHCRAFT DELUSION OF 1692

BY GOV. THOMAS HUTCHINSON

FROM AN UNPUBLISHED MANUSCRIPT (AN EARLY DRAFT OF HIS HISTORY OF
MASSACHUSETTS) IN THE MASSACHUSETTS ARCHIVES

WITH NOTES BY
WILLIAM FREDERICK POOLE

The Project Gutenberg eBook of The witchcraft delusion of 1692.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Колдовская мания 1692 года

Автор: Томас Хатчинсон

Составитель: Уильям Фредерик Пул

Дата выхода: 5 января 2024 года [eBook #72626]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Boston: David Clapp & Son, 1870

Кредиты: Бобу Тейлору, Шарлин Тейлор и группе онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE WITCHCRAFT DELUSION OF 1692 ***

ЗАБЛУЖДЕНИЕ О КОЛДОВСТВЕ 1692 ГОДА

BY GOV. ТОМАС ХАТЧИНСОН

Из неопубликованной рукописи (ранний черновик его "Истории Массачусетса"), хранящейся в архиве штата Массачусетс

С ПРИМЕЧАНИЯМИ УИЛЬЯМА ФРЕДЕРИКА ПУЛА

БОСТОН

ЧАСТНАЯ ПЕЧАТЬ

1870

[Перепечатано из "Новоанглийского исторического и генеалогического регистра" за октябрь 1870 г.].

David Clapp & Son, Printers, Boston.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ О КОЛДОВСТВЕ 1692 ГОДА.

Введение.

В мае прошлого года мне довелось ознакомиться с оригинальной рукописью второго тома "Истории Массачусетса" губернатора Хатчинсона, которая, как известно, находится среди бумаг Хатчинсона в архиве штата в Бостоне. Я никогда раньше не видел эту рукопись и не сразу нашел отрывок, который искал. Первая часть рукописи, похоже, отсутствовала, и ее место занял материал, относящийся к Приложению. Мое первое впечатление заключалось в том, что недостающие листы - это те, которые губернатор Хатчинсон не восстановил после бунта 1765 года. Обнаружив, что материя из Приложения не на своем месте, я предположил, что том, возможно, был небрежно скомпонован для переплета. При сверке рукописи ранняя часть была обнаружена в другой части тома. Именно этот экземпляр использовали печатники.

В ходе поисков я наткнулся на листы, содержащие тему печатного текста, но изложенные другим языком. При ближайшем рассмотрении я убедился, что это был более ранний черновик и та самая рукопись, которая прошла через испытание бунтом 1765 года, поскольку некоторые ее части были сильно испорчены и несли на себе следы втапывания в грязь. Копия, с которой был напечатан этот том, очевидно, была подготовлена позднее. Для удобства тех, кто впоследствии будет обращаться к этой рукописи, я сделал на листе 7 (после вопроса о Приложении) следующие пометки: - "Ошибка в переплете".

"При переплете этой рукописи была допущена ошибка. Предшествующий этому текст является Дополнением № 1 (напечатано с. 449-481 в издании 1767 года и с. 404-423 в издании 1795 года). Первая часть собственно истории, заканчивающаяся страницей 28 рукописи (до печатной страницы 40 в издании 1767 года и страницы 43 в издании 1795 года), была помещена в листы 92-100. Страница 29 находится напротив. Это рукопись, с которой был напечатан второй том.

"В листе 55 находится начало другой рукописи, более раннего черновика, на основе которого автор подготовил повествование, вошедшее в печатный том. Более ранний черновик, заканчивающийся на листе 91, доводит суть повествования до слова "Бостон" на с. 313 издания 1767 года и с. 284 издания 1795 года.

"Эти заметки были сделаны 17 мая 1870 года (с одобрения г-на секретаря Уорнера), и тогда же был впервые идентифицирован более ранний черновик".

[Подпись.]

Обе рукописи полностью написаны по автографу губернатора Хатчинсона, и, судя по всему, они были подготовлены с одинаковой тщательностью. По форме выражения и фразеологии они совершенно не похожи. Случаи и мнения, содержащиеся в более раннем черновике, изменены, сокращены и иногда опущены в более позднем. В вопросах фактов ранний черновик часто более точен и аккуратен, чем печатный текст, поскольку автор, несомненно, готовил его, имея перед собой оригинальные источники.

Исследования губернатора Хатчинсона в области ранних летописей Массачусетса представляют собой высочайшую историческую ценность. У него были такие возможности доступа к оригинальным документам, какими сейчас не обладает ни один человек. Он обладал вкусом, способностью к тщательному применению и исследованию, судебным пониманием и свободой от предрассудков и пристрастий, которые характеризуют подлинного историка. Его стиль, если и не всегда элегантен, то ясен и прост, и в нем нет ничего от сенсационного и риторического метода изложения, который является бичом многих исторических работ современности.

Каждое из нескольких изданий "Истории Массачусетса" Гов. Хатчинсона стало редкостью, и скоро будет востребовано новое, пересмотренное издание. При подготовке этой работы важные материалы предоставит ранний черновик второго тома, который теперь стал известен. Чтобы продемонстрировать характер и ценность этой рукописи, а также для внесения дополнительной информации по особому вопросу, я извлек для публикации ту часть, в которой говорится о "колдовском заблуждении 1692 года".

С точки зрения изложения фактов, не существует более точного и правдивого рассказа об этой ужасной трагедии, чем повествование г-на Хатчинсона. Его теория на этот счет - что это было полностью результатом мошенничества и обмана со стороны "пострадавших детей" - не будет общепринятой в настоящее время, и его аргументы по этому вопросу не будут считаться убедительными. В том, что при этом присутствовали мошенничество и обман, никто не сомневается, но сейчас существует тенденция проводить аналогию между явлениями, которые тогда демонстрировались, и современными духовными проявлениями. Ни один человек с хорошей репутацией, живший в том поколении и видевший, что происходило в деревне Салем и ее окрестностях, не сомневался, что тогда оказывалось какое-то влияние, которое нельзя было объяснить известными законами материи или разума. Когда эти люди ушли со сцены, теория мошенничества постепенно была принята их потомками; и в тот период, когда писал г-н Хатчинсон, она была почти всеобщим убеждением среди образованных слоев населения.

Для сведения лиц, заинтересованных в прослеживании сходства между аномальными проявлениями нашего времени и XVII века, я приложил примечания к другим случаям,

упомянутым гов. Хатчинсоном, которые могут привести таких исследователей к дальнейшему познанию их психологических феноменов.

Примечания автора обозначены звездочками и т. д. и подписаны Н. Примечания редактора обозначены цифрами и подписаны Р.

W. F. P.

В [изуродованном][1] мае на общем совете были назначены шерифы, судьи и другие гражданские чиновники, а также, среди прочих, уполномоченные ойера и терминатора для суда над ведьмами. В этом случае губернатор предоставил совету выбирать должностных лиц, а сам давал или не давал свое согласие на выбор - ошибка, которую не совершал ни один другой губернатор, и это был отказ от права, вытекающего для него из хартии, причем разница между назначением и согласием была очень очевидной.

Старая конституция была распущена, и было совершенно необходимо созвать Ассамблею. Вопрос о том, какова будет норма закона в это время, может быть поставлен; но на первом заседании Генеральной Ассамблеи (8 июня) был принят акт, согласно которому все законы колонии Массачусетского залива и колонии Нью-Плимут, не противоречащие законам Англии и хартии, должны действовать до 10 ноября 1692 года в соответствующих колониях, за исключением случаев, когда актами Ассамблеи будут установлены другие положения; И все мировые судьи получали те же полномочия по исполнению законов, которые раньше имели магистраты. Не было принято никаких других законов, кроме двух или трех, касающихся доходов; закона о создании военно-морского управления; закона, позволяющего губернатору, по совету совета, в течение шести месяцев поднимать и перевозить или отправлять ополчение в любое из правительств Род-Айленда, Коннектикута, Наррагансетта или Нью-Йорка; и еще одного закона о создании мирового суда и низшего суда по общим делам. Собрание было отложено на второе июля до второй среды октября.

Смятение, вызванное предполагаемым колдовством, по-видимому, стало причиной того, что ничего больше не было сделано для создания свода законов, лучше приспособленных к новой конституции; 2 июня комиссары провели свой специальный суд в Салеме.

Прежде чем рассказать об их заседаниях, я соберу, насколько мне удастся, несколько случаев того, что называлось колдовством, с самого начала существования страны.

Естественно предположить, что при первом появлении в стране европейцев она представляла собой наиболее подходящую сцену, тем более что преобладало мнение, будто все дикари поклоняются дьяволу; но я не нашел ни одного упоминания о колдовстве в течение первых двенадцати или пятнадцати лет. Около 1645 года[2] несколько человек в Спрингфилде, на реке Коннектикут, были заподозрены в колдовстве, и еще большее число считалось околдованными; среди остальных двое детей священника.[3] Были предприняты большие усилия, чтобы доказать факты на подозреваемых; и около 1650 года бедная несчастная Мэри Оливер[4], без сомнения, измученная жизнью, после долгого обследования была приведена к исповеди. Судя по всему, ее не казнили.

Пока шло это расследование, Маргарет Джонс[5] была казнена в Чарльзтауне[6]. Мистер Хейл упоминает о женщине в Дорчестере[7] и еще одной в Кембридже[8] примерно в то же время, которые после смерти отрицали то, в чем их обвиняли; а вскоре после этого миссис Хиббинс[9][10], вдова магистрата, была казнена в Бостоне. В 1662 году в Хартфорде, примерно в 30 милях ниже Спрингфилда, на той же реке Коннектикут, некая Энн Коул, чей отец, как говорят, был благочестивым человеком и жил по соседству с голландской семьей, была предположительно одержима демоном, который иногда говорил по-голландски, иногда по-английски, а иногда на непонятном языке, причем демоны говорили ей о вещах, неизвестных ей самой, и проводили конференции и т. д. Несколько служителей, присутствовавших на конференции, записали на имена людей, упомянутых в качестве действующих лиц, и, среди прочих, женщину, находящуюся в тюрьме по подозрению, некую Гринсмит. При допросе она также призналась в содеянном и, казалось, была поражена открытием, и призналась, что она и остальные были знакомы с демоном, который имел с ней плотские отношения, и хотя она не заключила с ним официального договора, но обещала всегда быть готовой к его зову, и должна была от души порезвиться на Рождество, и тогда договор должен был быть подписан. Женщина после этого признания была казнена.[11][12] Гофф, рецидивист, пишет в своем дневнике 20 января 62 года, что три ведьмы были осуждены в Хартфорде; а затем, 24 февраля, что служанки были здоровы после того, как одна из ведьм была повешена. В 1669 году Сюзанна Мартин из Солсбери была передана в Высший суд по подозрению в колдовстве, но была освобождена без суда[13].

Другая *чревоушательница*, Элизабет Кнап,[14] в Гротоне в 1671 году, как и Энн Коул в Хартфорде, встревожила жителей города. Ее демон был не так хитер. Он обрушился на благочестивого служителя города, произнес при этом множество богохульных выражений, а затем свалил все ее несчастья на одну добрую женщину, живущую по соседству. У этой женщины была лучшая судьба, чем, возможно, у такой же хорошей женщины в Салеме несколько лет спустя.[15] Люди не поверили дьяволу, и Элизабет призналась, что она была в заблуждении и что это сам дьявол мучил ее в образе хороших людей. В 1673 году судили Юнис Коул,[16] из Хэмптона, и присяжные признали ее юридически невиновной, но у них были веские основания подозревать ее в знакомстве с дьяволом.

В 1679 году дом Уильяма Морса из Ньюбери (17) William Morse, был потревожен бросанием кирпичей, камней и палок, а также столькими проделками, что тот, кто верит истории, рассказанной Гланвилем о дьяволах в Тедворте, не может не отдать этому должное. Стоит отметить, что никто из семьи, кроме одного мальчика, не пострадал. Его швыряли из одного конца комнаты в другой, в спину ему втыкали ножи, а однажды один из них, казалось, вышел у него изо рта. Он лаял, как собака, и кудахтал, как курица, а однажды его унесли и некоторое время не могли найти; но в конце концов обнаружили, что он ползет на одном боку, немой и хромым, и, когда он смог выразить свои мысли, сказал, "что П-л[18] пронес его над крышей дома и ударил о колесо телеги в сарае". Морс взял мальчика в постель к себе и своей жене, и на них вывалили горшок с содержимым, а их сильно щипали, вытаскивали из постели и т. д. Все это рассказывается очень серьезно[19], и очень удивительно, что Пи-Эл спасся, ведь, похоже, никто не подозревал о безнравственности мальчика.

В 1683 году демоны снова перебрались на реку Коннектикут, где дом некоего Десборо[20] подвергся нападению, и невидимая рука бросала в него камни, землю и т. д. не только через окна, но и через двери; а пожар, разгоревшийся неизвестно как, сжег немалую часть его имущества. Кажется, один из соседей Десборо поссорился с ним из-за сундука с одеждой, который Десборо задержал; и как только его вернули, неприятности прекратились. Все свалили на демонов, и никто, судя по всему, не подозревал честного соседа.

В 1682 году дом Джорджа Уолтона,[21] квакера, в Портсмуте, в Нью-Гэмпшире, подвергся нападению примерно таким же образом. Уолтон поссорился с одной женщиной из-за участка земли, и предполагалось, что она навела порчу не иначе как с помощью колдовства.

Примерно в то же время другой дом был заражен в Салмон-Фоллс[22] в Нью-Гэмпшире. А в 1684 году некий Филипп Смит,[23] судья суда, и представитель города Хэдли на реке Коннектикут, ипохондрик, полагал, что он под злой рукой, и подозревал женщину, одну из своих соседок; и, продолжая находиться в таком состоянии до самой смерти, он, по общему мнению, был околдован до смерти.

В 1685 году был опубликован обширный и косвенный отчет обо всех или большинстве этих случаев,[24] и любой, кто усомнился бы в их истинности, был бы объявлен саддукеем.

В 1688 году[25] начался более тревожный случай, чем все предшествующие. Четверых детей Джона Гудвина, человека с хорошей печенью и могилой, жившего в северной части Бостона, по общему мнению, околдовали. Я часто слышал, как те, кто был тогда на сцене, рассказывали о том, какое огромное замешательство это вызвало. Все дети отличались сообразительностью, получили религиозное воспитание и, как считалось, не способны на самозванство или мошенничество. Старшей была девочка лет тринадцати, говорят, что, возможно, и больше. Она обвинила прачку в том, что та забрала часть семейного белья. Мать прачки была одной из диких ирландцев и очень сквернословила, после чего девочка впала в припадок, в котором, как говорят, было что-то дьявольское. Одна из ее сестер и два брата, чей возраст не передается,[26] вскоре последовали ее примеру, и, как говорят, их мучили в одних и тех же частях тела в одно и то же время, хотя держали на расстоянии, чтобы они не знали жалоб друг друга. Примечательно одно, на что следовало бы обратить более пристальное внимание: все их жалобы приходились на дневное время, а всю ночь они спокойно спали. Они то глохли, то немели, то слепли, а иногда все это вместе. Их языки то втягивались в горло, то вытягивались на подбородке. Их челюсти, шеи, плечи, локти и все суставы казались вывихнутыми, и они издавали самые жалобные вопли о том, что их режут ножами и бьют; после этого можно было обнаружить явные следы ран. Священнослужители Бостона и Чарльзтауна провели день поста и молитвы в доме, где произошло несчастье; после этого младший ребенок больше не жаловался. Но магистрат, к сожалению, вмешался; и старуха была задержана, допрошена, предана суду, и, похоже, не признавала и не отрицала своей вины, будучи либо действительно растерянным человеком, либо стараясь казаться таковым; И прежде чем вынести смертный приговор, было запрошено мнение врачей; но они ответили, что она в здравом уме, и ее казнили, заявив, что после ее смерти дети не должны, а может быть, и не смогут получить облегчения от ее смерти, и что к их бедам причастны и другие, кроме нее. Это, несомненно, стало известно детям, и их жалобы сразу же возросли сверх того, что было раньше. Поскольку эта история напечатана,[27] и мало кто сомневается в том, что в случае с этими детьми имело место сверхъестественное воздействие, и [поскольку] мистер Бакстер в предисловии к изданию, опубликованному в Лондоне, говорит: "Доказательства настолько убедительны, что нужно быть очень упрямым саддукеем, чтобы не поверить", я потрачу немного больше времени на ее изучение, чем считаю нужным в противном случае.

После этого главным предметом рассмотрения становится старшая; ее взяли в семью священника, где она несколько дней вела себя прилично, но потом внезапно впала в припадок. Отношения в основном состоят из того, что их жестоко избивали призраки; их клали в раскаленные печи, и они потели и задыхались; на них лили холодную воду, и они дрожали; их жарили на невидимых вертелах; их головы прибавали к полу так, что их с трудом можно было оттащить; их суставы сначала застывали, а затем становились гибкими; в их

плоть втыкали булавки; душили до черноты в лице; на них надевали невидимую цепь ведьмы; они танцевали со стулом, как на лошади; они могли читать плохие книги и слепли, если заглядывали в хорошие; они пьянели без всякого опьянения.

Во всем этом нет ничего, кроме того, что можно объяснить хитростью и мошенничеством, на которые дети в этом возрасте очень способны; или ловкостью тела, в которой эти дети превосходят обычных кувыркателей гораздо младше. Упоминаются и случаи другого рода, а именно: они мучились, когда кто-нибудь брал библию, чтобы заглянуть в нее, когда дети находились в комнате, хотя их лица были обращены в другую сторону, и они не могли видеть ее, пока не откладывали в сторону; они рассказывали о тарелке на дне колодца, о которой, как говорят, они никогда раньше не слышали, и все же, на самом деле, тарелка была потеряна там; их глаза проваливались, когда им говорили смотреть на Бога не только на английском, но и на латыни, греческом или иврите; в то время как от индейского языка такого эффекта не последовало - говорят, что дьявол не понимал этого языка[29] - все это служит лишь доказательством невнимательности и сильного предубеждения в пользу детей у тех, кто был их наблюдателем. Самым странным обстоятельством является то, что дети, вернувшись к своему обычному поведению, исповедовали религию и причисляли свои страдания к стимулам к ней. Одна из них, спустя много лет, стала одной из моих квартиранток, серьезной, религиозной женщиной, [и] никогда не признавалась в мошенничестве и, вероятно, никогда не была обвинена в нем. Но даже все это не чудо"[30][31] Рассказ об этом деле, ставший достоянием гласности, получил всеобщее признание.

В Салеме произошла следующая сцена, более трагическая, чем все предыдущие.

Пока разыгрывалась эта трагедия, мало кто сомневался в том, что это дело рук дьявола, и еще меньше тех, кто осмеливался признаться в своих сомнениях.

Когда члены комиссии проезжали через город Бостон по пути в Салем, они остановились в доме полковника Хатчинсона,[32] одного из членов совета, который посоветовал им, прежде чем приступить к суду, посмотреть, не смогут ли они вытрясти дьявола из страдальцев; но этот совет был отвергнут.

Многие священнослужители страны, с которыми много советовались по этому поводу, утвердились во мнении, что между видимым и невидимым мирами существует очень тесное взаимодействие. Это, а также привезенные в страну незадолго до этого книги, содержащие сведения о подобных вещах в Англии, сделало умы людей в целом восприимчивыми к доверию к любой подобной истории, рассказанной здесь. Труды Перкинса[33] и других неконформистских богословов были в руках у многих, и нет сомнений, что дети Гудвина читали или слышали истории в Гланвиле[34], очень точно подражая им. В самом деле, все обследования в Салеме почти по всем обстоятельствам похожи на те, что описаны в рассказе, переданном миру за некоторое время до этого этим рассказчиком. Это соответствие, вместо того чтобы вызвать подозрения у пострадавших, было призвано подтвердить правдивость их историй: демоны Старой Англии и Новой были так похожи друг на друга. Никто не думал, что в нескольких молодых девушках может быть столько дьявола, чтобы объединиться в попытке лишить жизни такое множество людей, которых они обвиняли. Авторитеты Кебла, Далтона[35] и других известных юристов, установивших правила осуждения, столь же абсурдные, как и все, когда-либо принятые в Новой Англии,

придавали красок судам и присяжным в их разбирательствах, хотя ни один авторитет не имел столь большого веса, как авторитет сэра Мэтью Хейла, [37] почитаемого в стране за его серьезность и благочестие, а также за его благоприятное мнение о старом пуританстве, равно как и за его познания в юриспруденции. Незадолго до этого был опубликован судебный процесс над ведьмами в Саффолке. 38 Улики здесь были того же рода, что и те, что были признаны достаточными для повешения. Упреки в том, что ведьм вешают, хотя и часто сыпались на жителей Новой Англии со стороны жителей Старой, все же, должно быть, делались с дурной милостью. У нас был их лучший авторитет, чтобы оправдать нас; кроме того, предрассудки воспитания [и] склонность с тех пор придавать серьезное, торжественное значение даже обычным событиям в Провидении, могут быть призваны в качестве оправдания здесь в некоторой степени; но в Англии это был век такого большого веселья, как любой другой век, и такого большого безверия в целом, как любой предшествующий ему.

Сэр Уильям Фипс, только что прибывший губернатор [39], похоже, уступил преобладающему мнению. Он был во многом под руководством духовных отцов страны. Мистер Стоутон, вице-губернатор, возглавлявший суд [40] по делам ведьм и имевший большое влияние на остальных судей, придерживался мнения, что, хотя дьявол может явиться в облике виновного, ему никогда не будет позволено принять облик невиновного. [41] Это мнение поначалу было общепринятым и не терпело возражений. Некоторые из наиболее религиозных женщин, которых обвиняли, видя, как страдают и мучаются девушки, и слыша их торжественные заявления о том, что они видят фигуры или призраки обвиняемых, причиняющих им страдания, убеждали себя, что они ведьмы и что дьявол, так или иначе, хотя они не могли вспомнить когда, завладел их злыми сердцами и получил своего рода согласие на причинение страданий в их фигурах; после чего они признавали себя виновными.

И по сей день в стране, кажется, скорее разделились мнения о том, были ли обвиняемые или страдальцы под некой сверхъестественной или дьявольской одержимостью, чем о том, были ли страдальцы под телесными расстройствами или вообще виновны в мошенничестве и самозванстве.

Суд над Ричардом Хэтузем [42] перед лордом-главным судьей Холтом открыл глаза всем, кроме самой низкой части народа в Англии; и акт парламента в правление Его Величества [43] предотвратит предубеждение, которое осталось в них от тех бед, которые оно обычно производило на присяжных в судебных процессах. Очень жаль, что подобные примеры осуждения и наказания не были приведены здесь. Надеюсь, беспристрастный рассказ о предполагаемом колдовстве в Салеме убедит новоанглийского читателя в том, что во всем этом деле не было ничего сверхъестественного, а все проистекало из удивительной злобы обвинителей.

В феврале 1691 года [-2] дочь и племянница мистера Парриса, [44] священника деревни Салем, девочки десяти или одиннадцати лет, и еще одна или две девочки по соседству, обратились с теми же жалобами, что и дети Гудвина за два или три [четыре] года до этого. Лекари, не имея другого способа объяснить это расстройство, объявили их заколдованными. Индианка, жившая вместе со своим мужем у священника, [45] попыталась провести эксперимент, чтобы вычислить ведьму. Об этом стало известно детям, и они закричали, что индианка явилась им, щипала, колола и мучила их, и впали в припадки, стали биться в конвульсиях, искажаться и т. д.

Титуба, так звали эту женщину, которая, по некоторым сведениям, была испанской индианкой, призналась, что ее хозяйка научила ее в своей стране, как вычислить ведьму; но она отрицала, что сама была таковой. Несколько частных постов было проведено в доме священника, еще несколько - всей деревней и соседними приходами, а также общественный пост по всей колонии, чтобы обратиться к Богу с просьбой об обличении сатаны и т. д. Вскоре число жалобщиков увеличилось, и среди них были девушки, две или три женщины, а также несколько достаточно пожилых людей, чтобы быть допущенными в свидетели. У них тоже случались припадки, и они кричали не только на Титубу, но и на старую меланхоличную рассеянную женщину, Сару Осберн, и на лежачую старуху, Сару Гуд. Титуба, понуждаемая к этому своим хозяином, как она впоследствии заявила, [46] признала себя ведьмой, а двух старух - сообщницами, после чего все они были заключены в тюрьму; при обыске у Титубы на теле были обнаружены следы ранений, нанесенных ей дьяволом, [47] но, скорее всего, испанской жестокостью. Это произошло первого марта. Примерно через три недели после этого на двух других женщин, прихожанок церкви и с хорошим характером, [Марту] Кори и [Ребекку] Нерс, пожаловались, их допросили, но они ни в чем не признались и были преданы суду. Не только трое детей, пока женщины находились на обследовании, впадали в припадки и страдали от жалоб, но и мать одного из детей и жена Томаса Путнама жаловалась на сестру, что та ее мучает, и издавала самые ужасные вопли, к изумлению всех в округе. В таком увлечении находился и ребенок Сары Гуд, не старше четырех или пяти лет, обвиненный в том, что кусал страдальцев, у которых на руках были отпечатки мелких зубов.

Вскоре после этого, 3 апреля, Сара Клойс, сестра сестры, была на собрании, и мистер Пэррис взял для своего текста Иоанна vi. 70: "Не избрал ли Я вас двенадцать, и один из вас дьявол?", она обиделась и ушла с собрания, и вскоре после этого на нее пожаловались, осмотрели и предали суду; примерно в то же время обвинили Элизабет Проктор; и, когда ее муж сопровождал ее на осмотр, на него тоже пожаловались, и оба были преданы суду. О том, как неосмотрительно, если не сказать лучше, те, кто был облечен властью [Хаторн и Корвин, местные магистраты], поощряли и вкладывали слова в уста обвинителей или позволяли это делать другим, можно судить по допросам этих лиц, оставшимся в архивах суда. Обвинители и обвиняемые предстали перед судом. Мистер Паррис, который с самого начала был излишне щепетилен, был привлечен для допроса этих [49] и большинства остальных обвиняемых.

На суде [50], состоявшемся в Салеме 11 апреля 1692 года, уважаемый Томас Данфорт, заместитель губернатора. В. Джон (то есть индеец), кто тебя ранил? О. Сначала Добряк Проктор, а потом Добряк Клойс. В. Что она с тобой сделала? О. Она принесла мне книгу. В. Джон, скажи правду, кто тебя обидел? Обижали ли вас? О. Первой была джентльменка, которую я увидел. В. Кто следующий? О. Гуди Клойс. В. А кто обидел тебя потом? О. Добрячка Проктор. В. Что она с вами сделала? О. Она задушила меня и принесла книгу. В. Как часто она приходила мучить вас? О. Много раз, она и Гуди Клойс. В. Они приходят к вам как ночью, так и днем? О. Чаще всего они приходят днем. В. Кто? О. Гуди Клойс и Гуди Проктор. В. Где она схватила вас? О. За горло, чтобы остановить дыхание. В. Вы знаете Гуди Клойс и Гуди Проктор? О. Да, вот Гуди Клойс. (Когда я тебя обижал? О. Очень много раз. (О, вы ужасный лжец. В. Что эта Гуди Клойс делала с вами? О. Она щипала и кусала меня до крови. В. Как давно эта женщина приходила и обижала вас? О. Вчера на собрании. В. А раньше? О. Да, очень много раз.

Мэри Уолкот, кто вас обидел? О. Гуди Клойс. В. Что она вам сделала? О. Она меня обидела. В. Она принесла книгу? О. Да. В. Что вы должны были с ней сделать? О. Прикоснуться к ней, и я поправлюсь. Тогда она впала в припадок. В. Она приходит одна? О. Иногда одна, а иногда в

компании с Доброй Сестрой, Доброй Кори и многими другими, кого я не знаю... Потом у нее снова начался приступ.

Эбигейл Уильямс, вы видели, как компания в доме мистера Пэрриса ела и пила? О. Да, сэр, это было их таинство. В. Сколько их было? О. Около сорока, а Гуди Клойс и Гуди Гуд были их дьяконами. В. Что это было? О. Они сказали, что это наша кровь, и они пили ее дважды в тот день. В. Мэри Уолкот, вы видели белого человека? О. Да, сэр, очень много раз. В. Каким он был? О. Прекрасный могильный человек, и когда он приходил, то заставлял всех ведьм трепетать. Эбигейл Уильямс подтвердила то же самое, и что они видели такое зрелище у дьякона Ингерсолла. В. Кто был тогда у дьякона Ингерсолла? О. Добряк Клойс, Добряк Нестер, Добряк Кори и Добряк Гуд.

Затем Сара Клойс попросила воды и села, как человек, охваченный предсмертным обмороком; и несколько страдальцев впали в припадок, а некоторые из них воскликнули: *"О! Ее дух отправился в тюрьму к ее сестре Сестре"*.

Элизабет Проктор, вы понимаете, в чем вас обвиняют, а именно в том, что вы виновны во многих колдовских действиях; что вы на это скажете? Говорите правду. И вы, страдающие, должны говорить правду, так как в другой день вы ответите за это перед Богом.

Мэри Уолкот, эта женщина причиняет вам боль? О. Я никогда не видела ее такой, чтобы она меня обидела. В. Мэри Льюис, она причиняет вам боль? Ее рот был остановлен. В. Энн Путнам, она причиняет вам боль? Она не могла говорить. В. Эбигейл Уильямс, она причиняет вам боль? Ее рука была засунута в рот. В. Джон (индеец), эта женщина причиняет вам боль? О. Это та женщина, которая пришла в своей смене и задушила меня. В. Она когда-нибудь приносила книгу? О. Да, сэр. В. Что делать? О. Чтобы писать. В. Что, эта женщина? О. Да, сэр. В. Вы уверены в этом? О. Да, сэр.

Суд снова обратился к Эбигейл Уильямс и Энн Путнэм, но ни одна из них не смогла ничего ответить, по причине немоты или других припадков.

Что вы скажете, добрый Проктор, на это? О. Я беру Бога на небесах в свидетели, что ничего об этом не знаю, не больше, чем о нерожденном ребенке. В. Энн Патнэм, эта женщина причиняет вам боль? О. Да, сэр, много раз.

Затем обвиняемый посмотрел на них, и они упали в обморок. В. Она не приносит вам книгу, не так ли? О. Да, сэр, часто, и говорит, что заставляет свою служанку прикладывать к ней руку. В. Эбигейл Уильямс, эта женщина причиняет вам боль? О. Да, сэр, часто. В. Она приносит вам книгу? О. Да. В. Что она хочет, чтобы вы с ней делали? О. Написать в ней, и я поправлюсь. Разве не вы, сказала Эбигейл, сказали мне, что ваша служанка[51] написала? (Проктор) Дитя мое, это не так. Есть другой приговор, милое дитя. Тогда у Эбигейл и Энн начались припадки. То и дело они вскрикивали: *"Смотрите, на балке сидит добрый Проктор!"* А потом они обе закричали на самого Гудмена Проктора и сказали, что он волшебник. И тут же со многими, если не со всеми околдованными, начались страшные припадки.

Энн Патнэм, кто причинил им вред? О. Гудмен Проктор и его жена. После этого некоторые из околдованных плакали: *Вот Проктор собирается отнять ноги у миссис Поуп*; и ее ноги тут же отняли. В. Что вы скажете, Гудмен Проктор, на это? О. Я не знаю. Я невиновен. Эбигейл Уильямс закричала: *"Вот Гудмен Проктор идет к миссис Поуп"*, и тут же сказала, что Поуп впал в припадок. Вы видите, что дьявол обманет вас; дети могли видеть, что вы собираетесь

сделать, прежде чем женщина была ранена. Я бы посоветовал вам покаяться, ибо дьявол собирается вывести вас на чистую воду".

Эбигейл Уильямс снова закричала: "*Гудмен Проктор собирается ранить Гуди Биббер*"; и тут же Гуди Биббер впала в припадок. Там была и Мэри Уолкот, и многие другие.

Бенджамин Гулд дал показания, что видел Гудмена Кори и его жену, Проктора и его жену, Гуди Клойса, Гуди Нестер и Гуди Григгса в своей комнате в прошлый четверг вечером. Элизабет Хаббард находилась в трансе на протяжении всего допроса. Во время допроса Элизабет Проктор Эбигейл Уильямс и Энн Патнэм предложили ударить Проктора; но когда рука Эбигейл приблизилась, она раскрылась, тогда как прежде была сжата в кулак, и опустилась очень легко, приближаясь к Проктору, и в конце концов открытыми и вытянутыми пальцами очень легко коснулась капюшона Проктора. Тут же Эбигейл вскрикнула, ее пальцы, ее пальцы, ее пальцы обожгло, а Энн Патнэм схватилась за голову и упала[52].

Салем, 11 апреля 1692 года. Достопочтенный Томас Данфорт, заместитель губернатора, и совет попросили мистера Сэмюэля Пэрриса письменно изложить вышеупомянутые обследования, и он их изложил; и после того, как мы их выслушали и увидели то, что тогда видели, вместе с обвинением пострадавших, по совету совета все они были нами преданы суду.

Джон Хаторн, Помощники.
Джонатан Корвин,

В последующие эпохи факты часто предстают в своем истинном свете, а те, что были на сцене во времена оны, виделись в ложном. Теперь очевидна сильная предвзятость в пользу обвинителей, и не было предпринято никаких мер, чтобы раскрыть обман. Такое же предубеждение будет проявляться и во всем процессе.

Джон Индеец, один из этих обвинителей, был мужем Титубы, первой ведьмы, на которую жаловались. Она призналась и была отправлена в тюрьму. Ее муж, несомненно, был уверен, что у него будет больше шансов среди страдальцев, чем у обвиняемой. Скорее всего, некоторые женщины действовали по тому же принципу. По мере того как число страдальцев увеличивалось, увеличивалось и число обвиняемых. Были предприняты большие усилия, чтобы заставить некоторых из них признаться, но в целом обвиняемые упорствовали в своей невиновности до тех пор, пока тюрьмы не были переполнены. В конце концов друзья некоторых обвиняемых убедили их признаться, хотя они знали, что невиновны, а магистраты заявили, что признание - это путь к милосердию. Первое признание, сохранившееся в архивах, принадлежит Деливеранс Хоббс, которая находилась в тюрьме 11 мая 1692 года. Она призналась во всем, что от нее требовалось. Исповедники, как и обвинители, множились, ведьмы всегда были в компании, за ними немедленно посылали и допрашивали. Неудивительно, что они были напуганы до последней степени; они владели всем, чем хотели их друзья и судьи. Таким образом, более сотни женщин, многие из которых были из самых трезвых и добродетельных семей, некоторые из них принадлежали к очень уважаемым семьям в городах Салем, Беверли, Андовер, Биллерика, Ньюбери, были задержаны, осмотрены и в целом преданы суду, хотя большинство из них, признавшихся, после трех или четырех месяцев тюремного заключения были выпущены на поруки. Все эти признания были очень похожи друг на друга. Одно из них может служить образцом.

8 сентября 92 года. Допрос и признание Мэри Осгуд, жены капитана Осгуда из Андовера, проведенные перед Джоном Хаторном, эсквайром, и другими судьями Их Величества.

Она признается, что около одиннадцати лет назад, когда она была в меланхолическом состоянии, она имела обыкновение гулять в своем фруктовом саду, и в определенное время она увидела в конце дома подобие кошки, которую, однако, она приняла за настоящую кошку. Однако в то время это отвлекло ее от молитв Богу, и вместо этого она молилась дьяволу; примерно в это время она заключила договор с дьяволом, который, будучи черным человеком, пришел к ней и подарил ей книгу, на которую она положила палец, и это оставило красное пятно. И что когда она подписала книгу, дьявол сказал ей, что он ее бог, и что она должна служить и поклоняться ему, и верит, что она согласилась на это. Далее она говорит, что около двух лет назад ее пронесли по воздуху в компании с женой дьякона Фрая, женой Эбенезера Бейкера и Гуди Тайлер к Пятимильному пруду, где ее крестил дьявол, который окунул ее лицо в воду, заставил отказаться от прежнего крещения и сказал, что она должна быть его, душой и телом, навсегда, и что она должна служить ему, что она и обещала сделать. Она говорит, что отказ от первого крещения произошел после погружения, и что она была перенесена обратно по воздуху в компании с названными лицами, таким же образом, как она шла, и считает, что их несли на шесте. В. Сколько человек было на шесте? О. Как я уже сказал, четыре человека, и не больше, кроме тех, кого она назвала выше. Она признается, что поразила трех человек, а именно Джона Соуди, Марту Спрэг и Розу Фостер, и что сделала это, ущипнув себя за постельное белье и дав согласие дьяволу сделать это в ее облике, и что дьявол не мог сделать это без ее согласия. Она признает страдальцев в суде по взгляду. Она говорит, что, когда она ехала в Салем, чтобы пройти обследование, она и вся компания с ней остановились у мистера Филлипса, чтобы освежиться; и страдальцы, находившиеся позади них на дороге, подошли как раз в тот момент, когда она снова садилась, и тогда они были поражены, и кричали на нее, так что она была вынуждена остаться, пока все они не прошли; и она сказала, что только смотрела в ту сторону на них.

Знаете ли вы, что дьявол может принимать облик невинного человека и причинять страдания? О. Я полагаю, что нет? В. Кто научил вас этому способу колдовства? О. Сатана, и что он обещал ей изобилие довольства и спокойствия в ее будущем состоянии, но так ничего и не исполнил; и что с тех пор она живет более жалкой и более недовольной, чем когда-либо прежде. Далее она признается, что сама, в компании с Гуди Паркер, Гуди Тайлер и Гуди Дин, устроила собрание в доме Моисея Тайлера в прошлый понедельник вечером, чтобы наложить порчу, и что она и Гуди Дин носили между собой форму мистера Дина, священника, чтобы заставить людей поверить, что мистер Дин наложил порчу. В. Что помешало вам осуществить задуманное? О. Господь не хотел, чтобы так было, чтобы дьявол страдал в облике невинного человека. В. Были ли вы на других собраниях ведьм? О. Я ничего не знаю об этом, так как буду отвечать в присутствии Бога и Его народа; но сказала, что черный человек стоял перед ней и сказал ей, что то, в чем она призналась, было ложью; несмотря на это, она сказала, что то, в чем она призналась, было правдой, и приложила к этому свою руку. Ее мужа, присутствовавшего при этом, спросили, не кажется ли ему, что его жена чем-то расстроена. Он ответил, что, прожив с ней так долго, он не считает ее расстроенной, но имеет основания верить, что все сказанное ею - правда.

Когда госпожа Осгуд была впервые вызвана, она поразила Марту Спрэг и Розу Фостер взглядом и избавила их от припадков прикосновением руки. Мэри Лэйси, Бетти Джонсон и Ханна Пост видели, как госпожа Осгуд лечила Спрэга и Фостер. Упомянутые Ханна Пост, Мэри Лэйси, Бетти Джонсон-младшая, Роуз Фостер и Мэри Ричардсон были поражены госпожой Осгуд во время ее осмотра и выздоровели от ее прикосновения к их рукам.

"Я, подписанная, будучи назначена властью для проведения этого осмотра, свидетельствую под присягой, принятой в суде, что это верная копия его сути, насколько мне известно, 5 января 1692-3 года. Означенная Мэри Осгуд была освидетельствована перед мировыми судьями Их Величеств в Салеме.

Удостоверяю. Джон Хиггинсон, мировой судья. Мир".

Принадлежит Большому жюри 5 января 1692 года-3. Роберт Пейн, бригадир".

Мистер Хейл, имевший характер беспристрастного репортера, признает, что исповедники обычно уходили от своих признаний; одни говорили, что "ничего не помнят из того, что говорили", другие - что "они сами себя обманули", и все же он считает, что если бы времена были спокойными, состояние исповедников могло бы потребовать *melius inquirendum*; и, кажется, считает замечательными дочерей и внуков, подтверждающих признания своих матерей и бабушек, и приводит примеры в случае Гуди Фостер, ее дочери Мэри Лэйси и внуки Мэри Лэйси-младшей. Их признания случайно сохранились, и несколько выдержек из них покажут, что в дальнейших расследованиях не было необходимости[54].

21 июля 92 года. Перед майором Гедни, мистером Хаторном, мистером Корвином и капитаном Хиггинсоном.

Гуди Фостер, вы помните, что мы трижды беседовали с вами, и помните ли вы теперь, в чем вы нам признались? Было зачитано ее прежнее признание, которое она признала полностью правдивым.

Вы совершали очень большие злодеяния, и некоторые из них по ожесточению сердца отрицали; но, похоже, Бог будет благоволить к вам больше, чем к другим, поскольку вы смиряетесь. Но ваша дочь здесь призналась в некоторых вещах, о которых вы нам не рассказывали. Ваша дочь была с вами и Гуди Кэрриер, когда вы катались на палке. О. Я этого не знала. В. Как давно вы знаете, что ваша дочь помолвлена? О. Я не могу сказать, да и вообще ничего об этом не знаю. В. Видели ли вы свою дочь на собрании? О. Нет. В. Вы не знали, что ваша дочь - ведьма? О. Нет. В. Ваша дочь сказала, что она была на собрании ведьм, а вы сами стояли в отдалении и не принимали участия в этом собрании; и вы сами тоже так сказали; расскажите нам об этом с самого начала до настоящего времени. О. Я не знаю ни одного из их имен, которые там были, но только Гуди Кэрриер. В. Вы бы узнали их лица, если бы увидели их? О. Не могу сказать. В. Не было ли в поле одновременно двух рот? О. Больше я ничего не помню.

Мэри Уоррен, одна из пострадавших, сказала, что форма Гуди Кэрриера сказала ей, что этот Гуди Фостер сделал ее дочь ведьмой. В. Не признаете ли вы, что это произошло около тринадцати лет назад? О. Нет, и о том, что моя дочь ведьма, я знаю не больше, чем о том, в какой день я умру. В. Вы хотите, чтобы ваша дочь сделала полное и свободное признание? О. Да. В. Вы тоже готовы это сделать? О. Да. В. Вы не можете рассчитывать на спокойствие совести без свободного признания. О. Если бы я знал что-то большее, я бы сказал об этом во всеуслышание. Дочь Гуди Лэйси, вызванная в зал, начала так: "О, мама! Как ты поживаешь? Мы оставили Христа, и дьявол овладел нами. Как мне избавиться от этого лукавого? Я прошу Бога сокрушить мое каменное сердце, чтобы на этот раз я смогла одержать победу". В. Гуди Фостер, вы не можете избавиться от этой ловушки, ваше сердце и уста не открыты. О. Я не

видела дьявола, я молилась Господу. В. Какому Господу? О. Богу. В. Какому Богу молятся ведьмы? О. Я не могу сказать, Господь мне поможет. В. Гуди Лейси, вы не разговаривали со своей матерью во время поездки? О. Нет, кажется, ни слова. В. Кто вез вас на палке в деревню? О. Думаю, моя мать. Гуди Фостер сказал, что Гуди Кэрриер был самым первым. В. Гуди Лэйси, сколько лет прошло с тех пор, как их крестили? О. Три или четыре года назад, я полагаю. В. Кто их крестил? О. Старый змей. В. Как он это сделал? О. Он окунул их головы в воду, сказав, что они его, и что он имеет над ними власть. В. Где это было? О. У реки Фалл. В. Сколько человек крестилось в тот день? О. Некоторые из вождей; я думаю, их было шестеро. В. Назовите их. О. Я думаю, они были из высших сил. Их потом убрали.

Привели Мэри Лэйси, внучку, и Мэри Уоррен в яростном припадке. В. Как вы смеее приходить сюда и приводить с собой дьявола, чтобы мучить этих бедных существ? О. Я ничего об этом не знаю. Лейси положила руку на руку Уоррен; та оправилась от припадка. В. Вас обвиняют в колдовстве над Гуди Баллардом; каким способом вы это делаете? О. Я не могу сказать. Где моя мать, которая сделала меня ведьмой, а я этого не знала? В. Можете ли вы смотреть на эту служанку, Мэри Уоррен, и не причинять ей вреда? Я смотрю на нее дружелюбно. Она пыталась это сделать, но ударила ее взглядом. В. Признаете ли вы теперь, что вы ведьма? О. Да. В. Как долго вы были ведьмой? О. Не больше недели. В. Дьявол являлся вам? О. Да. В. В каком облике? О. В виде лошади. В. Что он вам сказал? О. Он просил меня ничего не бояться и не выводить меня; но он оказался лжецом с самого начала. В. Когда это было? О. Не знаю; больше недели. В. Вы приложили руку к книге? О. Нет. В. Он просил вас поклониться ему? О. Да; он велел мне также причинять страдания людям. Теперь ты на пути к получению милости, если исповедуешься и покаешься. Она сказала: "Господи, помоги мне". В. Разве вы не хотите быть спасенной Христом? О. Да. Тогда вы должны свободно признаться в том, что вам известно по этому вопросу. Затем она продолжила. Я лежала в постели, и дьявол пришел ко мне и сказал, чтобы я повиновалась ему и ни в чем не нуждалась, и он не выводил меня. В. Но как давно это было? О. Чуть больше года. В. Это было в первый раз? О. Да. В. Как долго вас не было с отцом, когда вы сбежали? О. Два дня. В. Где вы ели? О. У Джона Стоуна. В. Являлся ли вам дьявол, когда вы были за границей? О. Нет, но он вбил мне в голову такие мысли, чтобы я не слушался своих родителей. В. Кого дьявол велел вам огорчить? О. Тимоти Свона. Ричард Кэрриер часто приходит по ночам и просит, чтобы я наложил на людей порчу. В. Куда вы ходите? О. Иногда к Гуди Балларду. В. Сколько вас было там одновременно? О. Ричард Кэрриер и его мать, а также моя мать и бабушка. После прочтения исповеди Гуди Лейси, матери, принадлежит последнее. В. Сколько еще ведьм есть в Андове? О. Я больше ничего не знаю, кроме Ричарда Кэрриера.

Расскажите всю правду. О. Пока не могу. В. Вы когда-нибудь ездили верхом на палке или шесте? О. Да. В. Как высоко? О. Иногда выше деревьев. В. Ваша мать сбивала этих страдальцев, и она признавалась в этом до тех пор, пока наконец не смогла свободно пожать им руки и не причинить им вреда. Будьте и вы свободны и говорите правду. Как вы поклонялись дьяволу? О. Он просил меня молиться ему и служить ему и говорил, что он для меня бог и повелитель. В. На каких собраниях в деревне вы были? О. Однажды я был там, и Ричард Карриер ехал со мной на шесте, и дьявол нес нас. В. Не говорил ли с вами некто, чтобы навести на людей беду? О. Да, дьявол. В. Не было ли среди вас там человека? О. Никто, кроме дьявола. В. В каком облике был тогда дьявол? О. Он был черным человеком, и у него была шляпа с высокой короной. В. Ваша мать и ваша бабушка говорят, что там был священник. Сколько мужчин вы там видели? О. Я не видел никого, кроме Ричарда Кэрриера. В. Больше вы никого не видели? О. Там был священник, и я думаю, что он сейчас в тюрьме. В. Не было ли там двух[55] священников? О. Не могу сказать. В. Не было ли там одного мистера Барроуза? О. Да.

Экзамен содержит еще много страниц подобных разбирательств, которые я устал переписывать. Мистер Хейл упоминает также дело Ричарда Кэрриера, который, будучи 18-летним подростком, обвинил свою мать, которая пострадала, но этот допрос был проведен точно так же. Сначала он все отрицал, но потом был вынужден признаться во всем, что требовали его экзаменаторы.

Таким образом, семь или восемь исповедников, как говорят, свидетельствовали против священника Берроуза, но я видел много экзаменов, где его обвиняли точно так же, как в случае с Лейси. У Ричарда Кэрриера это выглядит следующим образом: "Мы встретились в зелени, которая была пастбищем священника, и в конце концов оказались в двух компаниях. Я думаю, что с ними было несколько человек. Я слышал, как Сара Гуд говорила о священнике или двух. Один из них был из тех, кто был на востоке; его зовут Барроуз, и он маленький человек. Я не помню имени другого".

После этих проверок читатель без особого труда примет к сведению признания исповедников, когда они считали себя вне опасности. Одного или двух может быть достаточно.

"Мы, чьи имена указаны под записью, жители Андовера; когда в 1692 году в деревне Салем начался тот ужасный и страшный суд, который некоторые называли колдовством и который впервые разразился в доме мистера Париса, несколько молодых людей, будучи, по-видимому, больными, обвинили нескольких человек в том, что они больны, и многие там поверили, что это так, нам сообщили, что, если человек болен, больные могут сказать, что или кто является причиной этой болезни: Джозеф Баллард из Андовера, его жена была больна в то же самое время, он сам или по совету других привел двух человек, называемых страждущими, из деревни Салем в Андовер, что стало началом того ужасного бедствия, которое постигло нас в Андовере, и, веря, что упомянутые обвинения правдивы, послал за упомянутыми людьми, чтобы они собрались вместе в доме собраний в Андовере, где находились страждущие. После того как мистер Барнард прочитал молитву, нам завязали глаза, и мы возложили руки на страдальцев, поскольку, по их словам, они были в припадке и впали в припадок, когда мы пришли в их присутствие; и некоторые повели нас и возложили на них руки, а затем сказали, что они здоровы и что мы виновны в том, что пострадали от них; после чего все мы были схвачены как заключенные по ордеру мирового судьи и немедленно доставлены в Салем. И по причине этой внезапной неожиданности, зная, что мы совершенно невиновны в этом преступлении, мы все были чрезвычайно поражены и изумлены, и ошеломлены и напуганы даже до потери рассудка; И наши близкие и родные, видя нас в таком ужасном состоянии и зная о нашей великой опасности, понимая, что нет другого способа спасти нашу жизнь, как только признать себя такими и такими, какими нас представляли страдальцы, из нежной любви и жалости уговорили нас признаться в том, в чем мы признались. И действительно, это признание, о котором говорят, что мы сделали, было не чем иным, как тем, что нам внушили некоторые джентльмены, сказав, что мы ведьмы, и они это знали, и мы это знали, и они знали, что мы это знали, что заставило нас думать, что это так; и наше понимание, наш разум, наши способности почти исчезли, мы не были способны оценить наше состояние; также и жесткие меры, которые они использовали с нами, сделали нас неспособными к защите, но говорили все и вся, что они хотели, и большая часть того, что мы говорили, было лишь согласием с тем, что они говорили. Через некоторое время, когда нам стало лучше, они рассказали нам о том, в чем мы признались, мы заявили, что невиновны и не знали о таких вещах; и мы услышали, что Сэмюэл Уордвелл отказался от своего признания и вскоре после этого был осужден и казнен, некоторым из нас сказали, что мы идем за Уордвеллом.

"Мэри Осгуд, Деливеранс Дейн, Сара Уилсон,
Мэри Тайлер, Эбигейл Баркер, Ханна Тайлер".

Этих несчастных не только привели на исповедь, как уже говорилось, но и заставили поклясться в ее истинности. На заседании Высшего суда в январе все они придерживались своих признаний. Они не могли знать, какова будет позиция суда и присяжных, и искушение было таким же, как и на первом допросе. Но одна Маргарет Джейкобс проявила больше мужества, чем остальные. Ее привели обвинять не только себя, но и мистера Берроуза, священника и даже собственного деда. Перед казнью она была поражена ужасом и просила прощения у Берроуза, который с готовностью простил ее и молился вместе с ней и за нее. Вмешательство в ее голову не позволило ей предстать перед судом Oyer and Terminer. В январе в Высшем суде она выступила со следующим заявлением

"Смирненное заявление Маргарет Джейкобс почтенному суду, заседающему ныне в Салеме, свидетельствует,

"В то время как ваша бедная и смиренная декларантка находится в заключении в Салемской тюрьме за преступление колдовства, о котором, слава Господу, я совершенно не знаю, о чем узнаю в великий судный день. Да будет угодно достопочтенному суду, на меня кричали некоторые из одержимых, как на страдальца, после чего меня привели на допрос, и при виде меня люди падали ниц, что меня очень поразило и испугало. Господь свыше знает, что я ни в малейшей степени не знал, как и кто их поразил; они сказали мне, что, несомненно, я, иначе они не пали бы ниц при мне; они сказали мне, что если я не исповедуюсь, то меня опустят в темницу и повесят, но если я исповедуюсь, то получу жизнь; Это так напугало меня, мое собственное гнусное злое сердце, что ради спасения своей жизни я сделал признание, которое, да будет угодно почтенному суду, является полностью ложным и неправдивым. В первую же ночь после моего признания меня охватил такой ужас совести, что я не мог уснуть, боясь, что дьявол унесет меня за то, что я говорил такую ужасную ложь. Я был, да будет угодно уважаемому суду, приведен к присяге, как я понял с тех пор, но тогда, в то время, я не знал об этом, не понимая, что означает присяга. Господь, надеюсь, на которого я уповаю, по избытку своего милосердия простит мне мое ложное клятвопреступление. То, что я сказал, было совершенно ложным, против моего деда и мистера Берроуза, что я сделал, чтобы спасти свою жизнь и получить свободу; но Господь, вменив это в вину моей совести, привел меня в такой ужас, что я не мог сдержаться, прежде чем отрекся от своего признания, что я и сделал, хотя не видел перед собой ничего, кроме смерти, предпочитая лучше умереть со спокойной совестью, чем жить в таком ужасе, который я не мог вынести. После этого, когда я отрекся от исповеди, меня заключили в тюрьму, где я в тысячу раз больше наслаждался душевным счастьем, чем до того, как я расширился.

"А теперь, да будет угодно вашей чести, ваш бедный и смиренный декларант, частично описав вашей чести мое состояние, предоставляет вашей чести благочестивое и рассудительное усмотрение сжалиться и сострадать моим юным и нежным годам; поступать и делать со мной так, как Господь свыше и ваша честь сочтут нужным, не имея иного друга, кроме Господа, который мог бы выступить за меня; не будучи ни в малейшей степени виновной ни в колдовстве, ни в каком-либо другом грехе, заслуживающем человеческой смерти; и ваша бедная и смиренная декларантка будет вечно молиться, как она обязана по долгу службы, о счастье вашей чести в этой жизни и о вечном благополучии в мире грядущем. Так молится ваш почетный декларант.

Маргарет Джейкобс".

Теперь я перейду к изложению фактов. Обвинителей было много в графстве Эссекс, и в ходе допросов я часто упоминал незнакомцев, чьи облики или призраки были неизвестны пострадавшим, а также время от времени называл имена людей в Бостоне и других отдаленных местах. Через некоторое время после этого несколько раз упоминается мистер Дин, один из священников Андовера, но к нему они относятся более нежно, как миссис Осгуд в своей исповеди, чем к Берроузу. Мистер Дин, вероятно, был более известен и уважаем, чем другой, иначе у него не было бы шансов.

Мистер Натаниэль Кэри,[56] видный джентльмен из города Чарльзтаун, услышав, что некоторые в Салеме жаловались на его жену за то, что она их мучает, из любопытства отправились в Салем, чтобы узнать, знают ли ее страждущие. Они приехали как раз в тот момент, когда судьи собирались в доме собраний, где проходил суд, чтобы допросить заключенных. Всех, кого привели, обвинили, и девушки, как обычно, впали в припадки, но на миссис Кэри никто не обратил внимания, разве что один или двое из страждущих подошли к ней и спросили ее имя. После экзамена ее муж отправился в таверну, рассчитывая, что у него будет возможность побеседовать с девушкой, обвинившей его жену. Там он встретился со страдающим индейцем Джоном, который служил в доме в качестве слуги. Он пробыл там совсем немного времени, прежде чем в дом вошли девушки и, катаясь по полу, закричали *на Кэри*, и тут же был послан ордер от судей, чтобы задержать ее. Две девушки обвинили ее, ни о ком из них она раньше не слышала, а вскоре к ним присоединился индеец. Судьи, по словам ее мужа, обращались с ней очень грубо, и не было смысла ни защищаться, ни предлагать залог, но ее отправили в тюрьму в Бостоне, а оттуда по *хабеас корпус* перевезли в Кембридж и там заковали в кандалы. Когда в Салеме начались судебные слушания, ее муж отправился туда и, узнав, как там все устроено, решил, что самое время устроить ей побег. Они бежали в Нью-Йорк, где их любезно принял губернатор Флетчер. Они подали прошение о суде в графстве, где жили. Если судьи сочли нужным рассматривать преступление там, где оно было совершено: ее тело находилось в Мидлсексе, а ее призрак - в Эссексе, то, вероятно, они сомневались.

Примерно через неделю после этого, то есть во второй половине мая, некоторые из страдальцев обвинили капитана Джона Алдена из Бостона[57]. Он много лет был хозяином шлюпа, служившего между Бостоном и восточными странами для снабжения гарнизонов и т. д.; и, по мнению судей, всегда отличался честным характером, хотя один из них, Гедни, сказал ему на допросе, что в то время он видел основания думать иначе. Олден в своем рассказе говорит, что обвинительница сначала указала на другого мужчину и ничего не сказала, но когда мужчина, державший ее, наклонился к ее уху, она закричала *"Олден, Олден"* и т. д. Всех вывели на улицу и окликнули, и тогда она закричала: *"Вот стоит Олден, смелый парень в шляпе, продает порох и дробь индейцам, лежит со скво и имеет папуасов"*. Он был немедленно взят под стражу маршалом [Джорджем Херриком] и потребовал отдать свой меч. Дальнейший осмотр был проведен в доме собраний, причем офицер держал его руки открытыми, чтобы он не ущипнул страждущих, и, когда они были поражены его видом и издали свой обычный крик, его отправили в тюрьму в Бостоне, где он пролежал пятнадцать недель, а затем друзья уговорили его совершить побег и скрыться, пока оцепенение людей немного не утихнет, и они не придут в себя.

К этому времени в нескольких тюрьмах находилось около ста человек[58], обвиненных в колдовстве. В первую неделю июня [2 июня] в Салеме начался суд над ведьмами. Перед судом предстала только одна из обвиняемых, Бриджет Бишоп,[59] по прозвищу Оливер. Она была обвинена в колдовстве за двадцать лет до этого человеком, который признал свою вину, обвинив ее на смертном одре; но, будучи взбалмошной старухой, убытки, которые

соседи понесли от падежа скота и домашней птицы, от опрокидывания телег и т. д., были приписаны ей, и теперь приводились в качестве доказательства. Все это, вместе со слухами от призраков, в которых клялись в суде пострадавшие и признавшиеся в этом сообщники, и найденным на ней наростом, который называли соском, было признано судом и присяжными пленарным доказательством, и она была осуждена, а 10 июня казнена.

Суд объявил перерыв до 30 июня, а тем временем губернатор и Совет запросили мнение нескольких министров о положении дел, в котором они находились на тот момент, которое было представлено следующим образом.

"Возвращение нескольких министров, с которыми консультировались его превосходительство и достопочтенный совет по поводу нынешнего колдовства в деревне Салем.

Бостон, 15 июня 1692 года.

"1. Состояние наших бедных соседей, которые сейчас страдают от приставаний из невидимого мира, мы считаем столь плачевным, что их состояние требует максимальной помощи всех людей в их возможностях.

"2. Мы не можем не признать, со всей благодарностью, успех, который милосердный Бог даровал кропотливым и усердным усилиям наших достопочтенных правителей, чтобы обнаружить отвратительные колдовства, которые были совершены в стране, смиренно молясь, чтобы раскрытие этих таинственных и зловещих злодеяний могло быть доведено до конца.

"3. Мы считаем, что в преследовании этих и всех подобных колдовств необходима очень критическая и изысканная осторожность, чтобы из-за излишнего доверия к вещам, полученным только по уполномочию дьявола, не открылась дверь для длинного ряда несчастных последствий, и сатана не получил преимущество над нами; ибо мы не должны быть в неведении относительно его приемов.

"4. Как в жалобах на колдовство могут быть вопросы, которые не равнозначны вопросам предположения, и могут быть вопросы предположения, которые, однако, не могут быть вопросами убеждения, так необходимо, чтобы все разбирательства по этому поводу велись с особой нежностью к тем, на кого жалуются, особенно если это были люди, ранее имевшие безупречную репутацию.

"5. Когда проводится первое расследование обстоятельств тех, кто может находиться под справедливым подозрением в колдовстве, мы могли бы пожелать, чтобы было допущено как можно меньше шума, компаний и открытости, которые могут слишком поспешно разоблачить тех, кого исследуют, и чтобы не использовалось ничего в качестве испытания для суда над подозреваемыми, в законности которого могут сомневаться люди Божьи; но чтобы в этом случае [можно было бы] руководствоваться указаниями таких благоразумных писателей, как Перкинс и Бернард.

"6. Презумпции, по которым люди могут быть преданы суду, и, более того, приговоры, по которым люди могут быть осуждены как виновные в колдовстве, должны быть, конечно, более значительными, чем едва ли обвиняемый представляется больным в виде призрака; поскольку несомненно и известно, что демон может, с позволения Бога, явиться, даже в

дурных целях, в облике невинного, да, и добродетельного человека. Мы также не можем считать изменения, происходящие в страдальцах от взгляда или прикосновения обвиняемого, безошибочным доказательством вины, но часто можем злоупотреблять дьявольским легиллименцией.

"7. Мы не знаем, не могут ли некоторые значительные поражения, нанесенные дьяволам нашим неверием в те свидетельства, вся сила и мощь которых исходит только от них, положить конец развитию ужасного бедствия, начавшегося для нас в обвинениях стольких людей, из которых некоторые, мы надеемся, еще чисты от великого проступка, возложенного на них.

"8. Тем не менее, мы не можем не смиренно рекомендовать правительству быстрое и энергичное преследование тех, кто оказался несносным, в соответствии с указаниями, данными в законах Божьих и полезных статутах английской нации, для выявления колдовства"[60].

Два первых и последний пункты этого совета лишали силы все остальные, и преследования продолжались с большей энергией, чем прежде. Изысканная осторожность в отделении доказательств, основанных на власти дьявола, от остальных, в третьем разделе, и недоверие к тем свидетельствам, вся сила которых исходит только от дьявола, в седьмом разделе, должно быть, озадачила судей, и они нуждались в каких-то более авторитетных руководствах, чем Перкинс, Бернارد[61] или любые другие книги, которыми они были снабжены[62].

Я был в растерянности, пока не встретил этот ответ, на основании какого закона они действовали[63]. Старая конституция была распущена, законы колонии не действовали, колдовство не является преступлением по общему праву Англии. Статут Якова I, правда, был более древним, чем устав колонии, но здесь никогда не принимали никаких законов. Генеральная ассамблея тогда не собиралась, и закон провинции не мог ничего предусмотреть, но, судя по восьмому разделу, в этом чрезвычайном случае английские статуты стали правилом. Но какие полномочия имел суд, чтобы изменить приговор со сжигания на повешение, я не могу себе представить. До начала других судебных процессов закон против колдовства по первой хартии был установлен вместе с другими законами колонии. Полномочия, которыми руководствовался суд, также могут быть поставлены под сомнение. Провинциальная хартия не наделяет никакими полномочиями, кроме Генерального суда, учреждать суды правосудия. Губернатор, правда, с согласия Совета назначает судей, уполномоченных ойлера и терминатора и всех чиновников, входящих в состав судов. Странно, что они не задержались до заседания Ассамблеи. Судья не может быть наказан за простую ошибку в суждении, но ему, конечно, следует, особенно в пожизненном процессе, хорошо подумать, на основании каких полномочий он действует.

Суд вновь состоялся с перерывом в Салеме 30 июня. На суд было представлено шесть [пять] женщин: Сара Гуд, Ребекка Нёрс, Сюзанна Мартин, Элизабет Хоу и Сара Уайлдс.[64] Суд и присяжные, похоже, не испытывали затруднений ни с кем, кроме Нёрс. Она была членом церкви, и, вероятно, ее хороший характер заставил присяжных вынести вердикт о невиновности; но обвинители подняли большой шум, а суд выразил свое недовольство вердиктом, и присяжные пожелали выйти еще раз, а затем вынесли обвинительный вердикт. Старшина присяжных дал следующее свидетельство, чтобы выяснить, что побудило ее изменить вердикт.

"4 июля 1692 года.

"Я, Томас Фиск, подписчик настоящего документа, будучи одним из тех, кто был присяжным на прошлой неделе в Салемском суде по делу Ребекки Нерс и т.д., по требованию некоторых родственников, должен объяснить, почему присяжные признали ее *виновной*, после того как вынесли вердикт "*невиновна*"; настоящим я излагаю свои доводы следующим образом, а именно:

"Когда был [вынесен] вердикт о *невиновности*, достопочтенному суду было угодно возразить против него, сказав, что, по их мнению, они упустили слова, которые заключенная в суде произнесла против себя, сказанные в ответ на слова доброй жены Хоббс и ее дочери, которые ошиблись, приложив руки к дьявольской книге, как они признались ранее; слова были: "Что эти люди дают в доказательство против меня теперь? Они приходили к нам раньше?". После того как уважаемый суд выразил свое недовольство приговором, несколько присяжных заявили о своем желании выйти снова, и тогда уважаемый суд разрешил; но когда мы пришли рассматривать дело, я не мог сказать, как расценивать ее слова в качестве доказательства против нее, пока у нее не было другой возможности высказать свое мнение о них, если она согласится на это; И тогда, войдя в суд, я упомянул вышеупомянутые слова, которые, как утверждал один из членов суда, были сказаны ею, а она в это время находилась в суде, но не дала ни ответа, ни толкования их; тогда эти слова стали для меня главным доказательством против нее.

Томас Фиск".

Сестра, узнав о том, что ее слова были использованы, заявила в суде, что "когда она сказала, что Хоббс и ее дочь были из ее компании, она имела в виду не более того, что они были заключенными, как и она сама; и что, будучи плохо слышащей, она не знала, что сказал старшина присяжных". Но ее заявление не возымело действия.

Служитель Салема мистер Николас Нойес проявил чрезмерное рвение в этих преследованиях. После вынесения приговора он отлучил эту честную старушку от церкви. Одна часть формы, кажется, была излишней - передача ее в руки сатаны. Он полагал, что она уже давно отдалась ему. Но ее жизнь и общение были такими, о чем было приведено множество свидетельств, что воспоминание об этом, как только люди вернулись к здравому смыслу, должно было стереть все порицания, вызванные образом ее смерти.

Калеф, который во время написания своего труда, как принято считать, был необоснованно предубежден против страны, что снижало доверие к его повествованию, рассказывает, что во время суда над Сарой Гуд одна из страдалиц впала в припадок, а после выздоровления кричала, что заключенный заколол ее и сломал при этом нож, и кусок ножа был найден у пострадавшей; Но молодой человек заявил, что за день до этого он сломал тот самый нож и выбросил его кусок, при этом присутствовала эта больная; и добавляет, что суд запретил ей больше лгать, но, несмотря на этот обман, продолжал улучшать ее как свидетеля против других заключенных.^[65] Этот рассказ, если он правдив, вызвал бы у меня более неблагоприятное мнение даже о честности суда, если бы я не столкнулся с чем-то похожим на него в процессе, проходившем перед сэром Мэтью Хейлом. Пострадавшие дети в своих припадках при малейшем прикосновении Розы Каллендер, одной из предполагаемых ведьм, вскрикивали, чего не делали, когда к ним прикасался любой другой человек. Чтобы не допустить обмана, лорд Корнуоллис, сэр Эдмунд Бэкон, сержант Килинг и другие

джентльмены присутствовали при припадке одной из девочек в другой части зала, привели одну из ведьм и надели на глаза девочки фартук, но вместо руки ведьмы к девочке прикоснулась рука другого человека, которая тут же вскрикнула, как обычно. Джентльмены вернулись и заявили суду, что считают все происходящее самозванством. Несмотря на это, ведьма была признана виновной, и судья, и все члены суда были полностью удовлетворены приговором и вынесли соответствующее наказание.

Сюзанну Мартин подозревали с 1669 года, поэтому о ней было рассказано множество историй о ведьмах, и многие из них были приведены в качестве доказательств. В одной из них священник на месте казни сказал, что знает, что она ведьма, и поэтому советует ей признаться, она ответила, что он лжет, и что она не больше ведьма, чем он волшебник, и если он лишит ее жизни, то Бог даст ему крови, чтобы он ее выпил.

Говорят, что на одном из этих процессов одна из обвинительниц предъявила обвинение мистеру Уилларду, священнику из Бостона, и что ее выслали из суда, после чего распространилось сообщение, что она ошиблась в человеке.^[66] Более вероятно, что она имела в виду [Джона] Уилларда, который в то время находился в тюрьме, и что было выдано, что присутствующие ошиблись.

На следующем заседании, 5 августа, Джордж Берроуз, Джон Проктор и Элизабет, его жена, Джон Уиллард, Джордж Джейкобс и Марта Кэрриер были признаны виновными, осуждены и казнены 19 августа, кроме Элизабет Проктор, которая спаслась, умоляя о своем животе.

За несколько лет до этого Берроуз проповедовал в деревне Салем, но, судя по всему, не был принят. После этого он проповедовал в Уэллсе в провинции Мэн. В качестве примера разбирательств на всех процессах мы немного подробнее расскажем о его деле.

Обвинение было следующим.

Anno Regis et Reginae, &c. quarto.

Эссекс сс. Присяжные нашего государя и государыни короля и королевы представляют, что Джордж Барроуз, покойный из Фалмута в провинции Массачусетский залив, клерк, в девятый день мая, в четвертый год правления нашего государя и государыни Уильяма и Марии, милостью Божьей Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, короля и королевы, защитников веры и пр. и в другие дни и времена, как прежде, так и после, некие отвратительные искусства, называемые колдовством и чародейством, нечестиво и преступно использовал, практиковал и осуществлял в городке Салем, в графстве Эссекс, в отношении некой Мэри Уолкот, из деревни Салем, в графстве Эссекс, незамужней женщины; в результате чего, согласно злему искусству, упомянутая Мэри Уолкот, в девятый день мая в четвертом году, о котором говорилось выше, и в другие дни и времена, как до, так и после, подвергалась и подвергается пыткам, страданиям, изнеможению, истощению и мучениям, против мира наших государыни и государя короля и королевы, и против формы закона, принятого и предусмотренного в этом случае. Подписано *Billa vera*. Были найдены еще три других счета за подобное на других лиц, во всех которых он не признал себя виновным и отдал себя под суд, и т. д.

Сначала были допрошены пострадавшие и признавшиеся ведьмы, поскольку, хотя, по совету старейшин, такие доказательства не должны были считаться непогрешимыми, они были предположительными, а при наличии других обстоятельств - достаточным доказательством. Было бы утомительно пересказывать все эти свидетельства, тем более что

они были одного рода с теми, что уже приводились в исповеди. Самым существенным обстоятельством, отличавшим его [Берроуза] от остальных, было то, что он должен был стать царем в империи Сатаны.

Другим доказательством было то, что, будучи маленьким человеком, он совершал подвиги, превосходящие силу гиганта; в частности, он брал ружье с семифутовым стволом за замок и держал его одной рукой; он брал бочку патоки или сидра и переносил их в неудобном месте и позе из каноэ на берег; И когда в свое оправдание он утверждал, что индеец, который был там, держал ружье так, как он, свидетели не видели и не помнили никакого индейца, предполагалось, что это должен быть черный человек или дьявол, который, как клялись свидетели, выглядит как индеец.

Кроме того, он клялся, что обращался со своими женами, которые были дважды женаты, очень жестоко и притворялся, когда его не было дома, что может рассказать, что им говорили, и что он убедил их поклясться и обязать себя письмом, которое в печатном отчете о суде называется "Завет", не раскрывать его секретов, и что они частным образом жаловались соседям, что в их доме водятся духи. Один из братьев его жены также поклялся, что, отправившись за клубникой, они проехали очень тихо - медленно, я полагаю, - две или три мили, когда Берроуз зашел в кусты, после чего они поехали обратно быстрым шагом, а когда подъехали к дому, к своему изумлению обнаружили его рядом с собой, и что он стал укорять жену за то, что она говорила с братом о нем, и сказал, что знает их мысли, на что брат намекнул, что знает больше, чем дьявол, но Берроуз ответил, что его Бог сказал ему.

В свою защиту заключенный заявил, что с ним был человек, когда его брат покинул его, который также предположительно был чернокожим.

Такова была сумма доказательств. Говорят, что он использовал множество изворотов и выкрутасов, а также противоречил сам себе в своей защите. Во время казни он завершил свою молитву молитвой Господней, вероятно, чтобы показать свою невиновность, поскольку было принято считать, что ведьма не может произносить молитву Господню, и это было использовано в качестве теста на экзаменах, когда несколько старух, как это часто делают дети, ошиблись с "*дай и прости*" в четвертом и пятом прошениях, и это было улучшено против них.

9 сентября судили *Марту Кори, Мэри Эсти, Элис Паркер, Энн Падкатор, Доркас Хоар и Мэри Брэдбери*, а 17 сентября *Маргарет Скотт, Уилмота Рида, Сэмюэля Уордвелла, Мэри Паркер, Эбигейл Фолкнер, Ребекку Имс, Мэри Лэйси, Энн Фостер, Эбигейл Хоббс* и всех остальных приговорили к смерти. Те, кто выделены курсивом, были казнены 22 сентября.

Мэри Эсти, сестра Сестры, представила суду прошение, в котором говорила, что, хотя она и сознает свою невиновность, но не просит о своей жизни, а молится, чтобы перед тем, как осудить кого-либо еще, они проверили некоторых из признавшихся ведьм, которые, как она знала, лгали сами себе и другим, что, как она была уверена, проявится в мире, в который она отправляется, если не проявится в этом мире.

Те, кого не казнили, вероятно, признали свою вину. Все, чьи показания остались в архивах, а их три или четыре, сделали это. Уордвелл признал свою вину, но отказался от нее и пострадал. Его собственная жена, а также дочь обвинили его и спаслись. Существует огромное количество случаев, когда дети и родители обвиняют друг друга. Я не встречал ничего подобного ни у мужей, ни у жен, и, конечно, этот случай не должен был пострадать".

Джайлс Кори был единственным человеком, кроме названных, кто пострадал от смерти. Он, видя судьбу тех, кто отдал себя под суд, отказался признать себя виновным; но судьи, недостаточно тщательно соблюдавшие нормы закона в пользу заключенных, позаботились сделать это в отношении этого несчастного, и его запытали до смерти; это единственный случай, о котором я когда-либо слышал в любой из английских колоний.^[67] История дает нам, пожалуй, столько же примеров жестокости, проистекающей из суеверия, сколько и из самого дикого варварского нрава.

Помимо нарушений, о которых я уже упоминал в этих процессах, суд допустил доказательства фактов, не изложенных в обвинительном заключении, чтобы доказать колдовство за восемь, десять или пятнадцать лет до этого; более того, для доказательства фактов, изложенных в обвинительном заключении, не было предложено никаких других доказательств, кроме показаний призраков, которых, по мнению прорицателей, было недостаточно. Было бы хорошо, если бы они посоветовались с юристами^[68], которые сказали бы им, что доказательства не должны приниматься даже против общего характера лиц, обвиняемых в преступлении, если они не предоставят доказательств в пользу этого, а тем более не должны всю жизнь быть обвиняемыми и не иметь возможности защищаться.

Этот суд, к счастью для страны, больше не заседал. Девятнадцать человек были казнены, но глаза страны в целом еще не открылись. Тюрьма в Салеме была настолько переполнена, что некоторых пришлось перевести, а многие находились в других тюрьмах, отведенных для суда. Генеральный суд, заседавший в октябре, хотя и возобновил действие старого закона колонии, который гласил: "Если кто-либо из мужчин или женщин будет ведьмой, то есть будет иметь или советоваться со знакомым духом, он будет предан смерти" - однако это не было достаточно ясно, и они приняли другой закон в словах статута короля Якова, который оставался в силе до окончания судебных процессов, но оба они были впоследствии отменены короной.^[69] Был принят еще один акт, учреждающий Верховный суд, ^[70] который должен был состояться в Салеме в январе; но до этого времени многие, кто участвовал в этих судебных процессах, осознали свою ошибку. Время для рассмотрения, казалось бы, достаточная причина для этого; но была приведена и другая причина. Обычно обвинение в колдовстве выпадает на долю людей самого низкого сословия, отбросов народа; и хотя во многих случаях здесь так и было, тем не менее в городах, где они жили, было несколько женщин из таких же уважаемых семей, как и все остальные, которые были обвинены и заключены в тюрьму, а несколько человек еще более высокого сословия были наемкнуты притворно околдованными или признавшимися ведьмами. У последних не было другого способа спастись. Некоторые из них были названы публично. Дадли Брэдстрит, мировой судья, который был назначен одним из членов совета президента Дадли, счел необходимым скрыться; то же самое сделал и его брат Джон Брэдстрит, сыновья покойного губернатора Брэдстрита. Калеф говорит, что, по слухам, обвиняемой была дама сэра Уильяма Фипса.^[71] Один человек в Бостоне жаловался на то, что на него напал секретарь колонии Коннектикут.^[72]

На заседании Высшего суда, состоявшемся в Салеме в январе, большое жюри предъявило обвинения примерно пятидесяти лицам, все, кроме одной или двух женщин, которые либо находились в тюрьме, либо были под подпиской о невыезде. Все они, кроме трех, были оправданы присяжными, и эти трое были помилованы губернатором. Вскоре после этого в Чарльзтауне, в графстве Мидлсекс, были привлечены к суду еще несколько человек, и все они были оправданы. Присяжные менялись быстрее, чем судьи. Вероятно, мнение последних о собственном превосходстве в понимании и рассудительности заставляло их медлить с признанием или обнаружением своих ошибок. Однако один из них, мистер

Сьюолл, всегда отличавшийся большой честностью, во время публичного поста через некоторое время после этого подал законопроект, или записку, священнику, признавая свои ошибки и желая смирить себя перед Богом и своим народом, и встал, пока записка читалась.[73] Говорят, что главный судья мистер Стоутон (Mr. Stoughton), будучи проинформирован об этом поступке одного из своих братьев, заметил по этому поводу, что сам он, когда заседал в суде, имел перед глазами страх Божий и высказывал свое мнение в соответствии с лучшим своим пониманием, и хотя впоследствии могло выясниться, что он заблуждался, он не видел необходимости в публичном признании этого. Один из священнослужителей, который в то время одобрял действия суда, вскоре после этого отметил в своем дневнике, что, по мнению многих, была пролита невинная кровь. Пострадавшие так и не были привлечены к суду за свое самозванство. Говорят, что многие из них оказались распутными, брошенными людьми, а другие провели остаток жизни в неизвестности и презрении[74].

Erratum.- В тексте ссылку на примечание 49 следовало бы поместить после слова "продолжали" в конце первого предложения параграфа.

P.

FOOTNOTES:

[1] Совет заседал 16, 17, 20, 24 и 27 мая 1692 года. 27-го числа были произведены назначения (шестьдесят семь судей, восемь шерифов и два коронера). Двадцать восемь советников также были уполномочены исполнять обязанности судей в своих населенных пунктах. Рукопись была повреждена в результате того, что ее выбросили на улицу во время беспорядков, вызванных действием закона о печати, вечером 26 августа 1765 года, когда был разграблен дом губернатора Хатчинсона. В последующих черновиках, поскольку дата отсутствовала, он не стал ее указывать, а написал: "На первом генеральном совете" и т. д. Этот абзац начинается на странице 8 рукописи.

P.

[2] Названная дата начала спрингфилдских беспорядков, вероятно, на три или четыре года раньше. Дату самого раннего дела о ведьмах в Массачусетской колонии, как он полагает, губернатор Хатчинсон определил по книге Джонсона "Wonder Working Providence", p. 199, где дата 1645 стоит во главе страницы. Как я уже объяснял в своем переиздании Джонсона (стр. xiii.-xv.), такие заголовки ненадежны и, вполне вероятно, так же часто вставлялись печатником, как и автором. Дата, указанная в заголовке, может быть верной в отношении какого-то происшествия, записанного на странице, и ошибочной в отношении других происшествий. Учитывая дату написания произведения - с 1649 по 1651 год, - утверждение в тексте не содержит ошибки. Эта часть была написана в 1651 году. Автор пишет: "В последнее время в этом городе [Спрингфилд] было больше одного или двух человек, которых подозревали в колдовстве; однако они проявили много усердия, как в их обнаружении, так и в помощи лордов против их колдовства, но, как предполагается, они околдовали не мало людей, среди которых двое детей преподобных старейшин". Дела дошли до рассмотрения и суда в том же году, когда было написано это повествование, в 1651-м, а представленные свидетельства охватывают два предыдущих года.

P.

[3] Johnson.

H.

[4] Эту женщину звали не Мэри Оливер, а Мэри Парсонс. Ее судили в Бостоне 13 мая 1651 года по обвинению в колдовстве и убийстве собственного ребенка. Она была осуждена по последнему обвинению на основании собственного признания и приговорена к повешению. Она была освобождена до 29 мая (Mass. Rec. iv. p. i. p. 47). В "Истории Хэдли" Джадда (стр. 234) говорится, что Мэри Парсонс снова судили за колдовство в 1661 году и освободили от наказания. Это, несомненно, ошибка в копировании или печати 1661 года вместо 1651 года, когда состоялся уже упомянутый суд; ведь в обоих случаях она обвинялась в околдовывании детей священника мистера Моксона. Мистер Моксон вернулся в Англию в 1652 году.

Хью Парсонс, ее муж, ранее был судим и осужден за колдовство; самые пагубные обвинения против него выдвинула его жена. Среди них были следующие:-1. У миссис П. была близкая подруга миссис Смит, которой она свободно высказывала свои мысли. Миссис Смит была человеком, мало бывавшим за границей, и миссис П. была уверена, что та не станет говорить о секретах, доверенных ей; однако ее муж знал все об их разговорах. 2. Он уходил поздно вечером, и за полчаса до его возвращения домой она слышала странные звуки в доме. 3. Он приходил домой в расстроенных чувствах, тушил огонь, срывал с себя постельное белье и разбрасывал по дому горох. 4. Он болтал во сне, видел странные сны и говорил, что боролся с дьяволом". Присяжные признали его виновным. Мировые судьи отменили вердикт, и дело поступило в общий суд в Бостоне 31 мая 1652 года, где он был оправдан (*Ibid.* p. 96). Многочисленные и очень любопытные показания по делам Спрингфилда можно увидеть в приложении к книге Дрейка "Анналы колдовства", 1869, стр. 219-258. Хатчинсон (в примечании, т. I, с. 165) упоминает случай Хью Парсонса, но не случай его жены. Он упоминает его еще раз (т. ii. с. 22) и, похоже, не знает, что дело Мэри Оливер было делом жены Парсонса. Мои ссылки на Хатчинсона относятся к изданию 1795 года.

P.

[5] Vol. i. p. 150. [Ссылки Хатчинсона на его предыдущий том относятся к изданию 1764 года].

H.

[6] Маргарет Джонс была казнена 4 июня 1648 года, и, следовательно, это был первый случай осуждения и казни за колдовство в колонии Массачусетс более чем через два года, насколько можно судить. Об этом случае сообщается в "Журнале Уинтропа", ii. p. 326, и в "Скромном расследовании Хейла о колдовстве", p. 17. Мистер Хейл рассказывает о событиях, не описанных Уинтропом. В день казни он, которому тогда было двенадцать лет, отправился в ее келью "в компании с несколькими соседями, которые приложили немало усилий, чтобы привести ее к исповеди и покаянию; но она постоянно признавала себя невиновной в этом преступлении".

P.

[7] Кажется, до сих пор ни один писатель не назвал имя человека, пострадавшего в Дорчестере. Мистер Джон Хейл в книге "Скромное расследование", 1697, с. 17, упоминает об этом так: "Другая, пострадавшая по этому поводу через некоторое время после этого, была женщиной из Дорчестера. И в день ее казни мистер Томпсон [Вм. Томпсон], священник Брантри и Дж. П., ее бывший священник, старался привести ее к покаянию. И она полностью отрицала свою вину в колдовстве, поскольку, будучи незамужней женщиной, она играла в блудницу и, будучи беременной, использовала средства для уничтожения плода своего тела, чтобы скрыть свой грех и позор; и хотя ей это не удалось, она была убийцей в глазах Бога за свои старания, и проявила большое раскаяние в этом грехе; но ничего не знала о преступлении, в котором ее обвиняли". Мистер Дрейк в своих "Анналах колдовства" и "Истории Дорчестера" не упоминает об этом случае.

Мне кажется, я нашел ключ к разгадке имени этой женщины из Дорчестера. В книге "Замечательные провидения" (1684 г.) Инкрес Мазер привел несколько случаев колдовства, произошедших в Новой Англии. Он послал копию этой книги своему брату Натаниэлю, священнику в Дублине. В письме, датированном 31 декабря 1684 года, Натаниэль Мазер подтвердил получение книги и сказал: "Почему ты не включил в нее историю о колдовстве миссис Хиббинс и его обнаружении; а также о жене Х. Лейка из Дорчестера, которую, как я слышал, дьявол привлек к себе, явившись ей в образе и сыграв роль ее ребенка, недавно умершего, на которого было сильно настроено ее сердце; а также о девушке из Коннектикута, которая была признана умершей действительно обращенной, хотя умерла за то же преступление?" - истории, как я слышал, столь же примечательные по некоторым обстоятельствам, как и большинство из тех, что я читал. (Mather Papers, Mass. Hist. Coll., vol. xxxviii. p. 58.) Мистер Мазер, вероятно, услышал эти истории до того, как отправился за границу. Точная дата его отъезда не установлена. Однако это было до 23 марта 1650-51 года, когда он пишет из Лондона. В 1678 году в Дорчестере проживал Генри Лейк, который вместе со своими детьми был указан в качестве наследников по завещанию Томаса Лейка, видного горожанина, умершего 27 октября 1678 года (History of Dorchester, p. 125). Мистер Сэвидж (Geneal. Dict.) говорит, что в 1649 году в Салеме жил Генри Лейк, курьер, "который, возможно, был Генри Лейком из Дорчестера"; но он не упоминает, что его жена была казнена за колдовство.

Подробности этого дела, рассказанные мистером Мазером, совершенно не похожи на те, о которых поведал мистер Хейл. Одно или оба утверждения должны быть неверными. Я считаю, что ошибка должна быть допущена мистером Хейлом. Мистер Мазер был жителем Дорчестера и выпускником колледжа в 1647 году. Он называет имя обвиняемого и был в таком положении, что был знаком со всеми происшествиями. Мистер Хейл жил в Чарльзтауне, и в 1650 году ему было всего четырнадцать лет. Он не знал имени этого человека и приводит те же события, что и в случае со Спрингфилдом. Он говорит, с. 19: "Была еще одна казненная в Бостоне в 1656 году [миссис Хиббинс] за это преступление; и две или три жительницы Спрингфилда, одна из которых призналась и сказала, что причиной ее знакомства с сатаной было следующее: Она потеряла ребенка, была очень недовольна этим и жаждала увидеть его снова! В конце концов дьявол в образе ее ребенка пришел к ней в постель, поговорил с ней и попросился к ней в постель в ту ночь и несколько ночей после нее, и таким образом она вступила в завет с сатаной и стала ведьмой. Это был единственный исповедник в те времена в этом правительстве". Если кто-то, кроме Мэри Парсонс, был казнен в Спрингфилде за колдовство, никаких подробностей до нас не дошло. Увеличение Мазер, вероятно, не упомянул о случаях миссис Хиббинс и миссис Лейк, с которыми он, должно быть, был знаком, из уважения к чувствам их друзей, живших в то время.

Р.

[8] Это дело миссис Кендал из Кембриджа, которая была казнена за околдовывание до смерти ребенка Гудмана Генингса из Уотертауна. Главным доказательством было свидетельство медсестры из Уотертауна, которая показала, что упомянутая Кендал много занималась ребенком, после чего ребенок поправился, но быстро изменил цвет кожи и умер через несколько часов после этого. Суд принял эти показания, не вызвав родителей ребенка. После казни родители отрицали, что их ребенок был околдован, и заявили, что он умер от неосторожного воздействия холода, оказанного кормилицей накануне вечером. Кормилица вскоре после этого была посажена в тюрьму за прелюбодеяние и там умерла, поэтому дальнейшее расследование этого дела не проводилось. Hale's Modest Inquiry, p. 18.

Преподобный Люциус Р. Пейдж из Кембриджпорта недавно обнаружил в судебных записях Мидлсекса за 1660 год еще один предполагаемый случай колдовства в Кембридже, который рассматривался в том же году. Уинифред Холман, пожилая вдова, была обвинена своими соседями, Джоном Гибсоном с женой, их сыном Джоном Гибсоном-младшим и их дочерью Ребеккой, женой Чарльза Стернса. Против этих лиц был возбужден иск о клевете, и на суде они, оправдываясь, представили свои предполагаемые доказательства колдовства, некоторые подробности которых можно найти в Hist. and Geneal. Register, vol. xxiv. p. 59. Вероятно, в судах того периода рассматривались и другие дела, о которых сейчас ничего не известно. Джон Дантон в 1683 году сообщил, что за последнее время в колонии было рассмотрено двадцать дел о колдовстве. (Letters, p. 72.)

Р.

[9] Vol. i. p. 187.

Н.

[10] См. Mass. Rec., vol. iv. pt. 1, p. 269. Заявление Джошуа Скоттоу от 7 марта 1655-6 гг. о том, что он не намерен противодействовать судебному разбирательству по делу Энн Хиббинс, содержится в Mass. Archives, vol. cxxxv. fol. 1. Она была казнена 19 июня 1656 года.

Р.

[11] Magnalia.

Н.

[12] Случай с Энн Коул был подробно описан в письме мистера Джона Уайтинга, священника в Хартфорде, под наблюдением которого он произошел, к Инкризу Мазеру, датированном 10 декабря 1682 года. Этот документ является одним из документов Мазера и напечатан в Mass. Hist. Soc. Coll., vol. xxxviii. pp. 466-469. Краткое изложение этого дела содержится в книге "Замечательные провидения" (Increase Mather's Remarkable Providences), глава v. стр. 96-99, изд. в Лондоне, 1856 г., и в книге "Magnalia" Коттона Мэзера, изд. в Хартфорде, 1855 г., т. ii. стр. 448. Хатчинсон неверно изложил несколько происшествий как в рукописи, так и в печатном тексте. Энн Коул не жила по соседству с голландской семьей. Имя казненной

женщины, Гринсмит, фигурирует в обеих аннотациях Матерса, но не в первоначальном изложении мистера Уайтинга. Казнены были и женщина, и ее муж.

P.

[13] Эта женщина была одной из жертв, повешенных за колдовство в Салеме в 1692 году. Свидетельства, представленные на ее допросе, приведены в "Чудесах Мазера", с. 70-76; "Еще больше чудес" Калефа, с. 125-132, и "Записях о салемском колдовстве" Вудворда, т. I, с. 193-233. В течение многих лет она носила репутацию ведьмы, и ее судебные иски часто попадали в протоколы общего суда. Rec. iv. pt. 2, pp. 540-555; v. pp. 6, 26.

P.

[14] Для человека, интересующегося психологическими исследованиями, связанными с проявлениями колдовства в семнадцатом веке, случай Элизабет Кнап - один из самых интересных, произошедших в Новой Англии. Он произошел за двадцать один год до великой вспышки в Салеме и при обстоятельствах, которые давали возможность спокойно наблюдать за происходящим. Сэмюэл Уиллард, впоследствии пастор Старой Южной церкви в Бостоне, который отличился своим благоразумным поведением в 1692 году, в то время был пастором церкви в Гротоне и ежедневно посещал и духовно наставлял семью. Он написал полный отчет об этом деле, который, к счастью, сохранился и теперь напечатан в Mather Papers, pp. 555-571. В этой работе он спокойно обсуждает вопрос о том, была ли ее болезнь настоящей или поддельной. Поначалу он склонялся к последнему мнению, и временами она сама признавалась в этом; но, учитывая все факты, он придерживался мнения, что в этом деле есть что-то сверхъестественное. Увеличение Мазера приводит выдержки из рассказа мистера Уилларда в "Замечательных провидениях", с. 99. См. также "Magnalia", vol. ii. p. 449.

P.

[15] Rebeckah Nurse.

H.

[16] Жалобы на Юнис Коул как на ведьму были поданы еще в 1656 году и продолжались до 1680 года, когда она предстала перед Квартальным судом в Хэмптоне и была арестована по подозрению в том, что она ведьма. В течение большей части этого периода она была городской нищенкой. Тридцать пять показаний и другие оригинальные документы, относящиеся к делу Юнис Коул, с 4 сентября 1656 года по 7 января 1673-4 года, находятся в Mass. Archives, vol. cxxxv. fol. 2-15. См. также Drake's Annals of Witchcraft, pp. 99-103.

P.

[17] В печатном тексте Гов. Хатчинсон уделил делу Морзе всего четыре строки. Более подробную информацию можно найти в Remarkable Providences, pp. 101-111; Magnalia, vol. ii. pp. 450-452, и "Анналы Дрейка", стр. 144-150. В своем Приложении (стр. 258-296) мистер Дрейк привел показания и другие документы, связанные с процессом против миссис Морс. Другие показания, а также прошение Ума Морзе в защиту его жены содержатся в Mass. Archives, vol. cxxxv. fol. 11-19.

Миссис Морс была осуждена 20 мая 1680 года и приговорена к повешению. 1 июня она была освобождена от наказания до следующего заседания суда. "3 ноября. Депутаты, ознакомившись с актами достопочтенного суда помощников, касающимися женщины, осужденной за колдовство, не понимают причины, по которой приговор, вынесенный ей судом, не приведен в исполнение, и что ее повторное освобождение кажется нам выходящим за рамки дозволенного законом, и поэтому считают нужным заявить о своем несогласии с этим, ссылаясь на согласие достопочтенных магистратов, присутствующих здесь." Это действие было "не согласовано с магистратами". (Меморандумы в архиве Массачусетса, том sxxxv. лист 18.) Впоследствии депутаты проголосовали за новый суд над ней, но магистраты отказались. Между этими разногласиями депутатов и магистратов она избежала наказания. Ее выпустили из тюрьмы, но так и не оправдали и не помиловали.

Р.

[18] Калед Пауэл - так звали обвиняемого.

Р.

[19] Магналия.

Н.

[20] Джон Рассел, священник из Хэдли (в доме которого долгое время скрывались убийцы Уолли и Гофф), сообщил об этом случае Инкризу Мэзеру под датой 2 августа 1683 года. Оно произошло за год до этого в Хартфорде. Краткое изложение приводится в Remarkable Providences, pp. 112-114, и Magnalia, vol. ii. p. 452. Оригинал рассказа напечатан в Mather Papers, pp. 86-88.

Р.

[21] Рассказ о деле Уолтона был предоставлен Инкризу Мэзеру Джошуа Муди, в то время служителем в Портсмуте. (Mather Papers, p. 361.) Документ приводится в Remarkable Providences, pp. 114-116, и Magnalia, vol. ii. p. 453.

Длинный и обстоятельный рассказ о беспорядках в доме Джорджа Уолтона является предметом трактата, напечатанного в Лондоне в 1698 году, 15 стр. 4to., копия которого хранится в библиотеке Dowse, принадлежащей Массачусетскому историческому обществу. Трактат называется "Литоболлия, или Дьявол, бросающий камни. Точный и правдивый рассказ о различных действиях inferнальных духов, или (воплощенных дьяволов) ведьм, или и тех, и других; и о великом беспорядке и изумлении, которые они вызвали в семье Джорджа Уолтона, в месте под названием Великий остров, в провинции Нью-Гэмпшир в Новой Англии..... Р. К., который все это время проживал в той же семье и был очевидцем этих дьявольских изобретений; содержание их явно известно жителям этой провинции и жителям других провинций и занесено в протокол Суда Совета Его Величества, состоявшегося в этой провинции."

Писатель говорит: "Некоторое время назад, находясь в Америке на службе у Его Величества, я жил в доме упомянутого Джорджа Уолтона, тамошнего плантатора".

В качестве свидетелей правдивости повествования фигурируют следующие имена: "Сэмюэл Дженнингс, губернатор Вест-Джарси; Уолтер Кларк, заместитель губернатора Роуд-Айленда; Артур Кук; Мэтт. Борден с Роуд-Айленда; Оливер Хутон с Барбадоса, купец; Т. Маул из Салема, купец из Н.Э.; капитан Уолтер Барефут; Джон Хасси и жена Джона Хасси". В рассказе говорится о том, что в течение трех месяцев невидимая сила бросала в них камни, биты, молотки, булавы, ломы, вертела и другую домашнюю утварь.

"Р. К.", автор трактата, я не сомневаюсь, был Ричардом Чемберлейном, секретарем провинции Нью-Гэмпшир в 1682 году. О том, что он проживал на Большом острове, свидетельствует его подпись под несколькими показаниями, напечатанными в *New-Hampshire Hist. Coll., vols. ii. and viii.* Чемберлейн и Барефут были одними из обвинителей Джошуа Муди в Портсмуте в следующем году за то, что он не проводил свои службы в соответствии с английским молитвенником, и послужили причиной его заключения в тюрьму на три месяца. По-видимому, Инкризу Мэзеру было известно, что секретарь Чемберлейн подготовил отчет о деле Уолтона, и он написал мистеру Муди, чтобы тот приобрел его вместе с описанием дела Хортандо. Мистер Муди 14 июля 1683 года пишет мистеру Мазеру: "Насчет этого дела Г. Уолтона, поскольку мой интерес к секретарю иссяк, я попросил мистера Вудбриджа постараться достать его; и если он сможет достать его, то отправит его первым; хотя, если возникнут какие-либо трудности, вы можете вполне обойтись тем, что у вас уже есть". (*Mather Papers*, p. 359.) Мистер Моуди снова пишет 23 августа: "Я тоже стараюсь достать другую книгу [дело Уолтона], но нахожу это трудным. Если удастся получить больше, вы можете ожидать [этого], когда я приеду, иначе вам придется довольствоваться тем, что вы получили от меня вначале, что было суммой того, что тогда заслуживало внимания, только много других конкретных действий подобного характера было тогда и с тех пор. Началось это в Господень день, 11 июня 1682 года, и так продолжалось долгое время, только время от времени случались передышки. Последнее, о чем я слышал, - это то, что ночью унесли несколько топоров, несмотря на то, что они были сложены, да заперты очень надежно, как считал, по крайней мере, владелец, что и было сделано этой весной. [Перед тем как запечатать мое письмо, мне в руки случайно попала вот эта записка, которую я получил от Уильяма Морса из Ньюбери по поводу беспорядков в его доме в 1679 году. Если это может быть мне полезно, вы можете ознакомиться с ним и вернуть". (*Ibid.* 360.)

Секретарь, несомненно, отказался предоставить нелюбезным пуританам в заливе свое повествование, и, вернувшись в Англию, напечатал его в Лондоне в 1698 году. Трактат показывает, что люди Англиканской церкви были столь же внимательны к знамениям и чудесам, как и пуритане. "Кто из тех, кто изучает эти сверхъестественные явления, - спрашивает автор, - может быть настолько врагом собственной души и неопровержимого разума, чтобы упрямо противиться или колебаться в мнениях и учениях о демонах, духах и ведьмах?"

Этот трактат перепечатан в "Историческом журнале" (N.Y., vol. v. pp. 321-327), а затем (vol. vi. p. 159) преподобный Люциус Алден приводит сведения об упомянутых в нем лицах и местностях. В книге Брюстера "Рамблс о Портсмуте", 2-я серия, 1869 г., есть глава на эту тему (с. 343-351) с заявлением мистера Олдена; но никто из этих авторов, похоже, не знает, что Ричард Чемберлейн был автором "Литоболлии". После написания этой статьи я обнаружил трактат под именем Ричарда Чемберлена в каталоге Британского музея 1814 года, и название было скопировано в "Уотт и Лоундс".

Р.

[22] Это было дело Хортандо, краткое описание которого, "присланное умным человеком", приведено в "Замечательных провидениях", с. 116-118, и "Магналии", т. ii. с. 453.

"Прилагаемое я переписал у мистера То. Бротона, который прочитал мне то, что он взял из уст женщины и ее мужа, и оценил это как достоверное, хотя это не половина того, что можно получить. Я жду от него более полного и подробного отчета до того, как я приеду на Начало". (Мистер Муди - мистеру Мазеру, 23 августа 1683 г. Mather Papers, p. 360.) Дата, место и сопутствующие обстоятельства дают понять, что это был "рассказ, присланный разумным человеком", который мистер Мазер напечатал.

P.

[23] Гов. Хатчинсон нашел описание этого случая в Magnalia, vol. ii. p. 454.

P.

[24] "Замечательные провидения" Инглиза Мазера - это работа, о которой здесь идет речь; но дата должна быть 1684, а не 1685 год. Книга была выпущена весной 1684 года. Натаниэль Мазер в письме к автору, датированном 31 декабря 1684 года, подтверждает получение экземпляра, на котором "написано вашей рукой 7 ber 16". (Mather Papers, p. 58.) Джон Бишоп подтверждает получение копии в письме от 10 июня 1684 года. (*Ibid.* p. 312.) Эта ошибочная дата и типографская ошибка в Magnalia, vol. ii. p. 473, заставили некоторых авторов предположить, что Коттон Мазер написал свою первую книгу о колдовстве в 1685 году. Тогда ему было двадцать два года. До 1686 года он не опубликовал никаких работ, кроме "Элегии о преподобном Нат. Collins, 1685, и The Boston Ephemeris, an Almanac for 1683, ни одна из которых не входит в печатный список его работ. Его первое сочинение о колдовстве вышло в 1689 году.

P.

[25] Эта дата верна. Необычно, что в своем окончательном варианте автор должен сомневаться и сказать: "в 1687 или 1688 году".

P.

[26] Имена и возраст детей были следующими: Марта 13, Джон 11, Мерси 7, Бенджамин 5.

P.

[27] Cotton Mather's Memorable Providences, Boston, 1689. 2d ed. London, 1691.

P.

[28] Cotton Mather's. 4 октября 1688 года Джошуа Муди написал письмо Инкризу Мазеру, находившемуся в то время в Лондоне, в котором рассказал о деле Гудвина. (Mather Papers, pp. 367-8.) Он пишет: "Среди нас происходит очень странная вещь, о которой мы не знаем, что сказать, разве что это колдовство, как мы думаем, что это должно быть так. Трое или четверо детей некоего Гудвина, каменщика, уже несколько недель жестоко мучаются, плачут

от боли в голове, глазах, языке, зубах; ломают себе шею, спину, бедра, колени, ноги, ступни, пальцы и т. д.; а потом кричат: "*О моя голова! О моя шея!* И от одной части к другой боль пробегает почти так же быстро, как я это пишу. Боль, несомненно, очень изысканная, а крики самые тоскливые и трогательные; и что примечательно, двое или более из них кричат от одной и той же боли в одной и той же части, в одно и то же время, и как боль переходит на другое место в одном, так и в другом, и так они держатся час вместе и больше; а когда боль проходит, они едят, пьют, ходят, играют, смеются, как и в другое время. Как правило, они хорошо проводят ночи. Очень многие добрые христиане провели там день молитвы. Приходил мистер Мортон, и каждый из нас провел час в молитве; после этого родители, заподозрив старуху и ее дочь, живущих неподалеку, подали жалобу в суд, и сострадание дошло до того, что женщин посадили в тюрьму, где они сейчас и находятся. Вчера я зашел в дом, и родительница сообщила мне, что с тех пор, как женщин посадили в тюрьму, дети хорошо себя чувствуют, пока их нет в доме; но как только кто-нибудь из них заходит в дом, его забирают, как раньше; так что теперь все их дети живут в домах соседей. Если кто из них заходит домой, то сразу же заболевает, а пока не заходит, все хорошо. Я немного расширил это повествование, потому что знаю, что вы изучали эти вещи. Мы не можем не думать, что дьявол приложил к этому руку с помощью какого-то инструмента. Это пример, во всех его частях, не подлежащий параллели. Вы можете поинтересоваться у мистера Оукса [Эдвард-младший, автор письма], чей дядя [доктор Томас Оукс] поначалу лечил их, и он, возможно, сообщит вам более подробную информацию".

Здесь мы имеем дело с мотивом, отличным от любопытства или легковерия, который заставил мистера Мазера взять одного из детей Гудвина к себе домой, где он держал ее до весны и пока она полностью не выздоровела. Это письмо мистера Муди было написано до того, как мистер Мазер написал что-либо по этому поводу. Рассказ об этом случае содержится в *Magnalia*, vol. ii. pp. 456-465. См. также *North American Review*, vol. cviii. pp. 350-359.

P.

[29] Один друг, сведущий в индейских диалектах, предполагает, что произношение мистера Мазера на индейском языке было, вероятно, настолько несовершенным, что дьяволу было простительно не понимать его.

P.

[30] В 1720 году в Литтлтоне, в провинции Массачусетс, одна семья, как предполагается, была околдована примерно так же, как семья Гудвина. Я вкратце расскажу об этом случае и о том, как обман был раскрыт, чтобы показать сходство между этими двумя случаями и отговорить родителей от подобных проделок со своими детьми.

У некоего Дж. Б. из Литтлтона было три дочери 11, 9 и 5 лет. Старшая из них, будучи девочкой с развитой психикой и слыша и читая множество странных историй, удивляла компанию, в которой находилась, своей манерой их рассказывать. Довольная аплодисментами, она переходила от историй к снам, а от снов к видениям, достигая искусства падать в обморок и на некоторое время оставаться бездыханной, а придя в себя, рассказывала странные истории о том, с чем ей приходилось встречаться в этом и других мирах. Когда она встречала в Библии слова "*Бог*", "*Христос*" или "*Святой Дух*", она падала, почти не подавая признаков жизни. В доме раздавались странные звуки, в дымоход попадали камни и причиняли много вреда. Часто она оказывалась в водоемах, кричала, что ее надо утопить, иногда на крыше

дома, а иногда на верхушках деревьев, и, когда ее спрашивали, говорила, что летает там; жаловалась на побои и щипки невидимых рук, которые оставляли на ней следы. Она жаловалась на городскую жительницу, некую миссис Д-и, и на то, что она ей являлась, и однажды ее мать ударила по тому месту, где, по словам девочки, она видела Д-и, после чего девочка закричала, *что ты ударила ее по животу*, и выяснилось, что Д-и примерно в то же время жаловалась на боль в животе. В другой раз мать ударила в то место, где, по словам девочки, была желтая птица, и тогда она сказала матери, что ударила ее по голове, и оказалось, что Д. в это время была ранена в голову.

Д., будучи еще ребенком, когда был нанесен первый удар, вскоре легла в постель и умерла, и, как только об этом стало известно, девочка поправилась.

Следующая дочь, после того как ее сестра так преуспела, подражала ей в жалобах на Д. и превзошла ее в своих подвигах, забежав на самый верх сарая, куда человек не смог бы забраться без опаски, и делая вид, что ее носит по воздуху; но, получив известие о смерти Д., она тоже поправилась. Младшая, хотя ей было всего пять лет, пыталась делать то же самое, а в некоторых случаях даже превосходила своих сестер; но она поправилась лишь спустя значительное время после смерти Д.

Вторая дочь действительно считала первую заколдованной, поскольку та находилась в прудах, на деревьях и т. д.; но у нее было любопытство попробовать, не может ли она делать то же самое. Третья, видя, что ее сестер жалеют и нежно к ним относятся, охотно делилась с ними. Старшая, видя, что остальные следуют за ней, посвятила их в тайну, и тогда они стали действовать сообща.

Соседи в целом согласились, что они попали под злую руку; некоторые утверждали, что видели, как они летали, и это было объявлено колдовством, какого в Салеме никогда не было. Их родители были снисходительны к ним, и хотя некоторые из людей не были лишены подозрений в мошенничестве, все же не было предпринято больших усилий, чтобы обнаружить их. Безрезультатно прибегали к помощи врачей, а священники безуспешно молились над ними.

После того как дети изменили свое поведение, все они упорно утверждали, что никакого обмана не было; и хотя это дело лежало тяжким грузом на совести старшей, и она иногда говорила своей ближайшей сестре, что когда-нибудь их раскроют и предадут позору, все же долгое время это оставалось тайной. Старшая, не будучи крещеной, пожелала креститься и приняла крещение; и когда священник проверил ее поведение в этом деле, она упорно продолжала заявлять о своей невинности. Переехав в Медфорд, она предложила присоединиться к тамошней церкви в 1728 году и дала удовлетворительный отчет о себе городскому служителю, который ничего не знал о ее участии в этой сделке; но в день Господень перед тем, как ее должны были принять, он случайно проповедовал на основании этого текста: "Кто говорит ложь, тот не спасется". Женщина решила, что проповедь предназначалась ей, и подошла к служителю, чтобы спросить. Он сообщил ей, что никто не был с ним, чтобы что-то возразить против нее; но тогда она решила сделать полное признание и открыла ему все, признав все и каждую часть обманом ее и ее сестер, и пожелала сделать самое публичное признание в этом перед лицом церкви, что и было сделано. В своих жалобах они зашли так далеко, что сочли необходимым кого-то обвинить, и остановились именно на этой женщине, Д-, не имея к ней прежних предубеждений. Жалобы женщины, в то время как дети притворялись, что ее ударили, проистекали из других причин, которые не были выяснены должным образом. Однажды им грозила опасность быть

уличенными отцом в одном из случаев их мошенничества; но основания для подозрений были упущены или проигнорированы из-за его предрассудков и легковерия в пользу детей".

Н.

[31] Гов. Хатчинсон сжал вышеприведенное заявление из рукописи, подготовленной Эбенезером Тареллом, священником из Медфорда, которому было сделано признание, которая впоследствии была полностью напечатана в Mass. Hist. Coll. vol. xx. pp. 6-22. Хотя мистер Тарелл был полностью уверен в том, что в действиях детей Литтлтонов были мошенничество и обман, он не мог избавиться от мысли, что в этих операциях проявилось и дьявольское влияние. "Я не сомневаюсь, - говорит он (с. 16), - но в этом грехе сатана был очень официален". И снова (с. 19) он дает такой замечательный совет: "Никогда не прибегайте ни к одному из дьявольских трюков. Вы только ублажаете сатану и приглашаете его в свою компанию, чтобы он обманул вас". Люди, способные допустить возможность дьявольского воздействия, найдут в рассказе мистера Тарелла широкие возможности для реализации своей веры.

Р.

[32] Элиша Хатчинсон, торговец в Бостоне и дед автора. Он был внуком миссис Энн Хатчинсон, которая была изгнана в 1637 году за свои религиозные взгляды.

Р.

[33] Уильям Перкинс, 1558-1602, пуританский богослов, стипендиат Крайст-колледжа в Кембридже. Несколько изданий его работ в трех томах фолио вышли с 1605 по 1635 год. Одна из его работ была посвящена колдовству и стала стандартным и, по тем временам, благотворительным авторитетом.

Р.

[34] Джозеф Гланвил, 1636-1680. Он был ординарным капелланом Его Величества и членом Королевского общества. Упомянутая здесь работа называется "Saducismus Triumphatus: or Full and Plain Evidence concerning Witches and Apparitions: with a letter of Dr. Henry More on the same subject; and an authentic but wonderful Story of certain Swedish Witches; done into English by Anth. Horneck, Preacher at the Savoy." London, 1681. 8vo. 328 стр. Было выпущено несколько более поздних изданий. История о шведских колдовствах, содержащаяся в этом томе, упоминается Инклизом Мазером в "Замечательных предсказаниях", 1684, с. 132, изд. 1856 г., и Коттоном Мазером в "Чудесах невидимого мира", 1693, с. 44, 88. Мистер К. У. Апхэм, полагая, что К. Мазер был единственным человеком в Новой Англии в 1692 году, который знал об этом случае, приводит аргументы на его основе в книге "Салемское колдовство и Коттон Мазер", 1869, с. 34-35.

Р.

[35] Джозеф Кебл, 1632-1716, стипендиат Всехсвятского колледжа и малоизвестный в наши дни писатель-юрист.

P.

[36] Майкл Далтон, 1554-1620, английский юрист, автор нескольких юридических работ, популярных в свое время.

P.

[37] Эми Дьюни и Роуз Каллендер, "две морщинистые старухи", были судимы и осуждены сэром Мэтью Хейлом в Бури-Сент-Эдмундс, графство Саффолк, в 1664-5 годах. Об этом деле сообщается в "Судебных процессах над ведьмами", Лондон, 1682 год. Документ скопирован в Howell's State Trials, vol. vi. pp. 647-702, к которому приложен полный отчет о колдовстве в Новой Англии, составленный гостем Хатчинсоном. Аннотация этого дела содержится в книге "Чудеса невидимого мира", с. 55-60; ссылки на него встречаются почти во всех последующих трактатах о колдовстве. Это, пожалуй, самое известное дело, поскольку сэр Мэтью Хейл своим именем санкционировал признание спектральных доказательств и догмы о том, что дьявол может действовать только через лиц, состоящих с ним в сговоре, то есть настоящих ведьм. В библиотеке Дауза хранится "Рассуждение о великой милости Божьей, сохраняющей нас от власти и злобы злых ангелов; написанное сэром Мэтью Хейлом в Кембридже 26 марта 1661 [1665] года по случаю суда над некоторыми ведьмами, состоявшегося перед ним за неделю до этого в Сент-Эдмундс-Бэри". London, 1693. 4to.

P.

[38] 1684.

P.

[39] Сэр Уильям Фипс прибыл в Бостон 14 мая 1692 года. На том же судне вернулся из своей четырехлетней миссии колониального агента в Англии Инкрисст Мазер.

P.

[40] Организация и состав суда приведены в примечании 44.

P.

[41] "Один джентльмен, обладающий более чем обычным пониманием, образованностью и опытом, пожелал, чтобы я написал в Новую Англию о ваших процессах и приговорах ведьмам; он не удовлетворен доказательствами, на основании которых некоторые казненные были признаны виновными. Он рассказал мне, что во времена парламента Великой Реформации некий человек или люди имели поручение обнаруживать и преследовать ведьм. В результате этих преследований многие были казнены, по крайней мере, в одном графстве Англии, пока, в конце концов, не был обвинен джентльмен с большим состоянием и благочестивым характером, что положило конец комиссии. И судьи при повторном слушании отменили многие приговоры; но многие жизни были унесены. Я с большим удивлением говорю о том, что любой человек, тем более человек таких способностей, образованности и опыта, как мистер Стоутон, должен придерживаться

убеждения, что дьявол не может принять облик невинного, чтобы причинить страдания другому человеку. На мой взгляд, это убеждение совершенно лишено каких-либо веских оснований, чтобы сделать его хоть сколько-нибудь вероятным, и, кроме того, противоречит многим фактам из истории. Если вы сочтете нужным, то можете ознакомить мистера Стоутона и других судей с тем, что я пишу". Письмо из Лондона И. Мазеру, 9 января 1692-3 гг.

Н.

[42] Ричард Хэтуэй, подмастерье кузнеца, предстал перед главным судьей Холтом 25 марта 1702 года за самозванство. Он притворился, что его околдовала Сара Мордак и что он смог избавиться от припадков, только взяв у нее кровь путем царапания. За год до этого ее судили за колдовство тем же судом и оправдали. Он притворился, что его рвет булавками, и постился в течение десяти недель. "Все черти в аду, - сказал главный судья, - не смогли бы помочь вам поститься так долго". В его кармане были найдены булавки, и, внимательно наблюдая за ним, выяснилось, что он принимал пищу, когда притворялся постящимся. Во время припадков к нему привели другую женщину, и, почесав ее, он выздоровел, как и прежде. Его приговорили к тюремному заключению сроком на один год и трехкратному стоянию на столбе. Преподобный Фрэнсис Хатчинсон излагает этот случай в "Историческом очерке о колдовстве", Лондон, 2-е издание, 1720, стр. 280, и он же приводится в "Чудесах невидимого мира", стр. 55 и 60. Дело с доказательствами и аргументами приводится в Howell's State Trials, vol. xiv. pp. 639-669. Мастер и хозяйка Хэтуэя, поддерживавшие подмастерье в этих мошенничествах, были впоследствии привлечены к ответственности за нападение на Сару Мордак и за бунт; о суде над ними сообщается в том же томе.

В "Судебных процессах штата" Хауэлла содержатся полные отчеты о других процессах, связанных с колдовством, а именно: Дело Мэри Смит, 1616 г., т. ii. с. 1050; Процесс против ведьм Эссекса, 1645 г., т. iv. с. 817; и Процесс против трех ведьм Девона, 1682 г., т. viii. с. 1018.

Р.

[43] Одиннадцать процессов о колдовстве прошли перед главным судьей Холтом с 1694 по 1702 год, на которых он так наставлял присяжных, что они, как правило, выносили оправдательные вердикты. Однако английские законы о наказании за колдовство были отменены только в 1736 году. 9 Geo. II. chap. 5, Statutes at Large, vol. xvii. p. 3.

Р.

[44] "An Account of the Life and Character of Rev. Samuel Parris, of Salem village, and of his connection with the Witchcraft Delusion of 1692. Сэмюэлем П. Фаулером [из Дэнверса]" (Салем, 1857, 20 стр. 8vo.), является самой полной и беспристрастной оценкой характера мистера Пэрриса, которая появилась в печати. Дьякон Фаулер - служитель первоначальной церкви деревни Салем, ныне Данверс; у него лучшая коллекция книг о ведьмах в Новой Англии, и он является одним из самых опытных антикваров Эссекского института. Он развеивает многие заблуждения, существовавшие в отношении этого известного священнослужителя.

Мистер Пэррис оставался со своими людьми в течение пяти лет после этих событий и в разгар местных споров, не связанных с трагедией о колдовстве. Мистер Фаулер говорит (стр.

19): "Похоже, большинство прихожан всегда было за то, чтобы мистер Пэррис оставался с ними; и, похоже, было очень распространено заблуждение относительно его ухода от своих людей, они полагали, что он был поспешно изгнан из деревни; в то время как он продолжал и поддерживал себя в течение пяти лет, пока не счел нужным прекратить ссору, когда он сообщил своей церкви о своих намерениях".

Вся статья мистера Фаулера перепечатана в книге мистера Дрейка "Witchcraft Delusion in New-England", vol. iii. pp. 198-221. Анонимная баллада 1692 года "Джайлс Кори и Гудвиф Кори", которую г-н Дрейк перепечатывает в том же томе (с. 173-177) и предполагает, что ее автором был г-н Дж. Г. Уиттиер - "поскольку написать ее мог только один человек", - была опубликована в салемской газете более тридцати лет назад г-ном Фитчем Пулом из Дэнверса, ныне библиотекарем Института Пибоди в Пибоди.

Р.

[45] Джон Индиан и его жена Титуба были рабами. В записке начальнику тюрьмы в Бостоне она описана как "индианка, принадлежащая Сэмюэлю Пэррису из деревни Салем". (Woodward's Records of Salem Witchcraft, vol. i. p. 15.) Калеф (р. 19) говорит, что "она лежала в тюрьме, пока не была продана за свою плату". Салемское заблуждение берет свое начало в фетишизме, который практиковали эти две невежественные испано-африканские рабыни, которых мистер Пэррис, вероятно, получил с Барбадосских островов, где он одно время занимался бизнесом.

Р.

[46] R. Calef. [More Wonders, p. 91.]

Н.

[47] Hale. [Modest Inquiry, p. 25, ed. 1711.]

Н.

[48] Calef. [p. 92.]

Н.

[49] Это утверждение является ошибкой и изменено в окончательном варианте. Мистер Паррис ни разу не привлекался для допроса обвиняемых. По просьбе магистратов он записывал показания, будучи быстрым пером и стенографистом. В случае, упомянутом в следующем абзаце, вопросы задавал Данфорт, и запись гласит: "Мистер Пэррис, будучи желаемым и назначенным для записи допроса, сделал это, а также зачитал его перед советом публично".

Р.

[50] Это было заседание совета для предварительного осмотра, а не "суд" для рассмотрения дела обвиняемого. Присутствовали Данфорт, заместитель губернатора; Аддингтон,

секретарь, и Рассел, Хаторн, Эпплтон, Сьюолл и Корвин, члены совета. Это был единственный экзамен, на котором присутствовал Сэмюэл Сьюолл. По возвращении в Бостон он сделал такую запись в своем дневнике: "11 апреля 1692 года. Поехал в Салем, где в доме собраний проходил допрос лиц, обвиненных в колдовстве; было очень большое собрание; было ужасно видеть, как страдалницы были взволнованы". Позднее он вставил на полях: "Væ, væ, væ". Эти слова были восприняты одним из поздних авторов "как выражение большой чувствительности к тому, насколько он был введен в заблуждение". В более поздние годы он сожалел, и вполне мог, о курсе, который он выбрал в процессе по делу о колдовстве; но он никогда не выражал, как это делает автор, своего неверия в реальность дьявольского воздействия, продемонстрированного на том экзамене. Сам случай был достаточно скорбным, чтобы вызвать эти восклицания у того, кто придерживался его мнения; поэтому они объясняются без принудительного толкования.

Р.

[51] Служанка, о которой здесь идет речь, была Мэри Уоррен, одна из самых жестоких обвинительниц. Она была домашней прислугой в семье Проктора.

Р.

[52] Документы, напечатанные г-ном Хатчинсоном, принадлежат к судебным материалам в Салеме, которые были очень тщательно упорядочены и смонтированы мистером Уильямом П. Апхэмом. Эти документы, или те из них, что сохранились, были напечатаны (со многими ошибками) мистером У. Э. Вудвордом в "Записях о салемском колдовстве", Роксбери, 1865, 2 тома, см. 4то. Среди этих документов нет тех, которые напечатал губернатор Хатчинсон. Несомненно, они были взяты им на время и не возвращены. В архиве Массачусетса есть томик документов о колдовстве (том sxxxv.), но этих документов среди них нет.

В 1860 году мистер Н. И. Боудич подарил Массачусетскому историческому обществу коллекцию оригинальных бумаг, касающихся салемского колдовства, которые когда-то принадлежали судебным архивам Салема. Более шестидесяти лет назад эти бумаги попали во владение покойного почтенного Джона Пикеринга, который, по словам мистера Боудича, "будучи присяжным офицером суда, испытывал некоторые угрызения совести по поводу сохранения их у себя, и поэтому, изучив их, отдал моему покойному отцу [доктору Натаниэлю Боудичу]". (Proceedings, 1860-62, p. 31)". Коллекция была упорядочена и элегантно переплетена на средства мистера Боудича. В томе не содержатся документы, напечатанные губернатором Хатчинсоном. Поскольку г-н Хатчинсон напечатал только часть этих документов и, несомненно, взял другие, которые не напечатал, представляет определенный исторический интерес, если знать, где в настоящее время находятся (если они существуют) оригиналы документов, которые он использовал.

Р.

[53] В экзамене написано *can*, но, полагаю, в ответе следовало написать *can't*.

Н.

[54] Мистер Перкинс упоминает восемь или десять доказательств колдовства, из которых только два он считает достаточными, а именно: показания двух свидетелей и признание

самой участницы. Этот авторитет, вероятно, имел вес как для суда, так и для г-на Хейла; но Перкинс говорит, что против последнего возражают, что признание может быть вынуждено силой, угрозами и т. д. или убеждением, что это лучший способ спасти жизнь или получить свободу.

Н.

[55] [Примечание в окончательном варианте.] Мистер Дин, один из служителей Андовера, которому тогда было около четырех лет, похоже, находился в опасности. В нескольких допросах о нем говорится с нежностью, что, возможно, объясняется его справедливым характером, и он может быть одним из обвиняемых, который препятствовал дальнейшему судебному преследованию. "Когда Деливеранс Дин спросили, почему она и остальные привели мистера Дина в качестве страдальцев, она ответила, что это происки сатаны, ибо он сказал ей, что притворится во всем этом и заставит людей поверить, что он действительно страдает. Она сказала, что миссис Осгуд и она дали свое согласие на то, чтобы дьявол привел фигуру мистера Дина в состояние аффекта. Когда ее снова спросили, действуют ли миссис Осгуд и она сами, она ответила утвердительно". Мистер Дин был очень привязан к этой женщине.

Н.

[56] Рассказ мистера Кэри приводится в Calef, pp. 95-99.

Все мои ссылки на "Чудеса невидимого мира" К. Мазера и на Калефа относятся к лондонским изданиям 1693 и 1700 годов. Мистер С. Г. Дрейк перепечатал обе работы в своей книге "Заблуждения о колдовстве в Новой Англии" (Roxbury, 1866, 3 тома, см. 4to) с оригинальными страницами. Это лучшее переиздание этих известных книг. Отличное и недорогое издание "Чудес" появилось в "Библиотеке старых авторов" Дж. Рассела Смита (Лондон, 1862, 16mo.), в котором оригинальная пагинация не указана. Это издание особенно привлекательно, поскольку содержит репринты "Дальнейшего рассказа о суде над ведьмами Новой Англии" (A Further Account of the Tryals of the New England Witches, 1693) и "Случаев совести относительно злых духов, вселяющихся в людей" (Cases of Conscience concerning Evil Spirits personating Men, 1693), оба написаны Инкресом Мазером. Есть еще несколько переизданий "Чудес" и "Больших чудес" Калефа; но они выполнены небрежно и не заслуживают доверия в исторических целях. Копия (с отсутствием одного листа) оригинальных "Чудес" (Бостон, 1693) принесла двести девяносто долларов на аукционе Вудворда в Нью-Йорке 19 апреля 1869 года.

Р.

[57] См. Calef, pp. 98-100.

Р.

[58] Тюрьмы Бостона и Ипсвича были переполнены, так же как и тюрьма Салема. Многие из обвиняемых были главами семей; сезон посева был далеко впереди, и фермерский труд был прерван. "Принимая во внимание, - говорится в протоколе Совета за 27 мая 1692 года, - что в настоящее время под стражей находится множество преступников, некоторые из которых находятся под стражей уже долгое время, а также множество неудобств, связанных с

переполненностью тюрем в это жаркое время года, поскольку в стране еще не созданы судебные палаты или суды правосудия: Постановили: выдать Уильяму Стоутону, Джону Ричардсу, Натаниэлю Солтонстоллу, Уэйту Уинтропу, Бартоломею Гедни, Сэмюэлю Сьюоллу, Джону Хаторну, Джонатану Корвину и Питеру Сержанту, эсквайрам, специальное поручение быть судьями или любым пяти из них (из которых Уильям Стоутон, Джона Ричардса и Бартоломею Гедни), дознаться, выслушать и определить на это время, согласно закону и обычаю Англии и этой их магистерской провинции, все и всяческие преступления и правонарушения, совершенные, совершаемые или совершенные в графствах Саффолк, Эссекс, Мидлсекс и в каждом из них." Капитан Стивен Сьюолл был назначен секретарем, а Томас Ньютон - адвокатом. Шерифом был назначен Джордж Корвин, а маршалом - Джео. Херрик, маршал.

Р.

[59] Свидетельские показания и другие документы по делу Бриджет Бишоп приведены в "Записях о салеомском колдовстве", том I, с. 135-172; "Чудеса невидимого мира", с. 65-70; и "Больше чудес" Калефа, с. 119-126.

Р.

[60] Гов. Хатчинсон нашел этот документ в постскриптуме к "Случаям совести" Инклиза Мэзера, 1693 год. Его копия в раннем черновике совершенно правильна, за исключением того, что заключительные слова пятого раздела "be consulted in such a case" были случайно пропущены. При составлении окончательного варианта он, вероятно, заметил, что предложение было неполным, и вместо того, чтобы обратиться к оригинальному авторитету, вставил свои собственные слова: "может быть замечено". Этот и другие подобные факты свидетельствуют о том, что при подготовке окончательного варианта он мало пользовался оригинальными авторитетами. В последней копии этого документа и при печати было допущено десять ошибок в словах и перестановках, но одна из них встречается в раннем черновике. Наиболее важной ошибкой было *поражение* при *обнаружении* во втором разделе.

Р.

[61] Ричард Бернард, 1566-1651, известный пуританский священник из Баткомба в Сомерсете. Его "Руководство для присяжных в делах о колдовстве" (Лондон, 1627 г.), по словам Инклиза Мэзера, "является солидным и мудрым трактатом. Что касается суждений старейшин в Новой Англии, то, насколько я могу судить, они в целом согласны с м-ром Перкинсом и м-ром Бернардом". (Cases of Conscience, pp. 252-3, ed. 1862.)

Р.

[62] Гов. Хатчинсон опустил этот параграф при подготовке следующего и окончательного проекта, что было разумным решением. Выше приведен взгляд на документ, который может показаться читателю при первом и поверхностном изучении; и один из поздних авторов утверждал, что "документ составлен таким образом, чтобы ввести в заблуждение". Документ был составлен Коттоном Мазером и "единодушно представлен его превосходительству и Совету двенадцатью священнослужителями" из Бостона и окрестностей. (Эти двенадцать

человек знали толк в языке; и вряд ли можно поверить, что они согласились бы в столь торжественный момент дать ряд рекомендаций государственным властям, которые противоречат, если не сказать обманывают, самой сути документа. То, что Хатчинсон опустил этот отрывок, можно рассматривать как опровержение его первых впечатлений, возникших в результате дальнейшего расследования. По моему мнению, совет полностью соответствует действительности, но здесь не место для обсуждения этого вопроса. Я намерен сделать это в другой раз.

P.

[63] Это заявление показывает, что Хатчинсон не видел протоколов Совета, копия которых была сделана в 1846 году в офисе британской государственной газеты, а сейчас находится в офисе секретаря штата Массачусетс.

P.

[64] Ошибочно напечатано "Уайлдер". Судебные процессы над Сюзанной Мартин и Элизабет Хоу содержатся в "Записях о салемском колдовстве", т. I. 193-215 и т. II. с. 69-93; в "Чудесах Мазера", с. 70-80, и вместе с процессами над Бишопом, Берроузом и Кэрриером были скопированы Калефом, с. 114-139.

P.

[65] Calef [p. 101].

H.

[66] Calef [p. 103].

H.

[67] Сэмюэл Сьюолл, один из судей на процессе по делу о колдовстве, сделал по этому случаю следующую запись в своем дневнике, за использование которой я обязан любезности Массачусетского исторического общества: "Понедельник, 19 сентября 1692 года. Около полудня в Салеме Джайлс Кори был приговорен к смерти за немоту; два дня суд и капитан Гарднер из Нантакета, который был его знакомым, применяли к нему много усилий, одно за другим; но все было напрасно. 20 сент. Теперь я слышу из Салема, что около восемнадцати лет назад его подозревали в том, что он запытал и зажал до смерти человека; но его оправдали. О нем не вспоминали, пока Энн Патнэм не рассказал об этом призрак Кори в ночь на субботу перед казнью".

Следующий трогательный рассказ о страданиях семьи Кори в 1692 году содержится в Mass. Archives, vol. cxxxv. fol. 161. Чтобы сохранить причудливость оригинального документа, я скопировал его *дословно*.

"Достопочтенному комитету, назначенному общим судом для проведения расследования в отношении страданий в 1692 году и т. д.

"Это для того, чтобы дать вам краткий отчет о наших горестях и страданиях, которые были в 1692 году. Некоторое время в марте наши достопочтенные отец и мать Джайлс Кори и Марта, его жена, были обвинены в супротивном вичкрафте и заключены в тюрьму, и их переводили из одной тюрьмы в другую, как из Салема в Ипсвич и из Ипсвича в Бостон и из Бостона в Салем снова и так оставались в тесном заключении около четырех месяцев, мы несли всю ответственность за их содержание, которое было очень дорогостоящим, и тем более они были так далеко от нас, а также по причине стольких переездов, во всех которых мы могли сделать не меньше, чем сопровождать их. что еще более увеличило наши неприятности и расходы, и хотя это было очень велико в малой степени нашей жадности или причины этих строк, но то, что разбивает наши сердца и по чему мы скорбим до сих пор, это то, что наш отец был предан такой жестокой смерти, что был предан смерти, наша мать также была предана смерти, хотя и другим способом. И мы не можем достаточно выразить нашу скорбь о потере наших отца и матери в такой дали. Soe we Cannot Compute our expences and coast but shall Comite to your wisdom to iudge of but after our fathers death the Shirfe thretend to size our fathers estate and for feare tharof we Complied with him and paid him eleauen pound six shillings in monie by which we have bee[n] greatly damnified & impouerishd by being exposed to sell Creaturs and other things for litle more than half the worth of them to get the monie to pay as aforesd and to maintain our father & мать в тюрьме, но что для нас горько, так это то, что мы не только подвергаемся поношению, но и опорочены, и так может быть во всех поколениях, и это несправедливо, если ничего не будет сделано для исправления всего этого, что мы смиренно передаем в достопочтенный суд, моля Бога направить к тому, что может быть приемлемо в его глазах и для блага этой земли

"13 сентября 1710 г.

"Мы не можем судить, что наши необходимые расходы быть меньше десяти фунтов

"Wee Subscrib your humbl Searuants in all Christian obedance

"Джон Моултон, который женился на Элизабет Кори. дочь вышеупомянутого, в интересах reast of that familie".

P.

[68] Автор уже говорил, что суд в основном опирался на решения сэра Мэтью Хейла, а также на авторитеты Кебла, Далтона и других известных юристов, которые устанавливали "правила осуждения, столь же абсурдные, как и все, когда-либо принятые в Новой Англии". Эти незаконные методы судопроизводства судьи, конечно же, не получили от духовенства или от Перкинса и Бернарда, рекомендованных им церковными авторитетами. Лорд Кэмпбелл выдвигает аналогичные обвинения против сэра Мэтью Хейла в связи с процессом в Бери-Сент-Эдмундс. Он говорит: "Он нарушил самые простые правила правосудия и действительно был убийцей двух невинных женщин..... Я бы с готовностью помиловал его за несомненную веру в колдовство, и я должен был бы считать, что эта вера мало умаляет его пронизательность и человечность..... Против них не только не было никаких улик, которые должны были бы повлиять на разум любого здравомыслящего человека, верящего в

колдовство; но во время судебного разбирательства было обнаружено и разоблачено самозванство, практиковавшееся обвинителями. Огромное нарушение правосудия, совершенное тогда, становилось все более отвратительным по мере того, как рассеивался туман невежества, который частично покрывал его". (Lives of the Chief Justices, vol. i. p. 561, 563.)

P.

[69] Закон колонии против колдовства был вновь принят 29 октября 1692 года. Статут короля Якова I был принят 14 декабря и опубликован двумя днями позже. Оба закона были отклонены Тайным советом 22 августа 1695 года; последний - за то, что "не согласуется со статутом короля Якова I, согласно которому вдова сохраняет право собственности, а наследство - наследник осужденной стороны". (Законы провинции, 1869, т. i. с. 55, 91.)

P.

[70] Закон был принят 25 ноября. 7 декабря Уильям Стоутон был избран главным судьей (получив все голоса присутствующих), а Томас Данфорт, Джон Ричардс, Уэйт Уинтроп и Сэмюэл Сьюолл, получив лишь большинство голосов, - помощниками судьи. 22 декабря они получили свои комиссии.

Говард Хатчинсон утверждает, что закон колонии против колдовства был возрожден первым актом провинциального собрания, принятым 15 июня и опубликованным 28 июня 1692 года, который гласил: "Все местные законы Массачусетского залива и Нового Плимута, не противоречащие законам Англии, остаются в силе до 10 дня ноября следующего года". Поскольку обвинения, выдвинутые в процессе по делу о колдовстве, были предъявлены и возбуждены до 28 июня, а специальному суду 27 мая было предписано действовать в соответствии с английскими законами и обычаями, вполне вероятно, что суд судил и казнил каждую из своих жертв в соответствии с английским законом, статутом Якова I. Суды проводились и после того, как старый закон о колониях был вновь принят; но ни один человек не был казнен после 22 сентября 1692 года.

P.

[71] Натаниэль Солтонстолл из Хаверхилла также находился под подозрением. Судья Сьюолл 3 марта 1692-3 гг. написал ему письмо, в котором выразил недоверие к подобным сообщениям и сочувствие ему и его семье. Письмо находится в Дневнике судьи Сьюолла под этой датой.

P.

[72] "Что касается того, что вы упомянули о бедном существе в вашем городе, которое страдает и назвало мое имя себе и сыну, я сердечно благодарю вас за ваше сообщение об этом и за ваше милосердие, о котором вы упомянули; и у меня есть большой повод благословить Бога, который, своей милости до сих пор, не оставил меня впасть в такое ужасное зло". Выдержка из письма [секретаря Аллена] И. Мазеру, Хартфорд, 18 марта 92 года [-3].

Н.

[73] Необычно, что гов. Хатчинсон не указал дату этого признания, которая отмечена в Калефе. В этой рукописи он говорит: "Через некоторое время после". В окончательном варианте он говорит: "Прошло немного времени, прежде чем один из судей осознал свою ошибку". Признание было сделано 14 января 1696-7 года, почти через пять лет после совершения ошибки, на которую он ссылается. До этого времени в своем Дневнике он практически не давал признаков раскаяния. Теперь он переживал глубокие домашние страдания. Из тринадцати своих детей он потерял восьмерых. 25 декабря 1696 года он похоронил свою маленькую Сару, которой было два года, а 22 мая - младенца-сына. Его дневник показывает, что его разум находился в состоянии крайнего уныния. В соответствии с религиозным типом того времени он рассматривал эти повторяющиеся удары Божественного провидения как нанесенные ему по его собственному недостойнству. 11 января, за три дня до назначенного поста, он пишет: "Бог помог мне молиться больше обычного, чтобы восполнить нашу потерю в погребении маленькой дочери и других детей, и чтобы [он] дал нам ребенка для служения ему, умоляя его как учредителя брака и автора всякого доброго дела".

Калеф (стр. 144) приводит выдержку из воспоминаний о признании судьи Сьюолла; а д-р Абиэль Холмс, видевший дневник, приводит в "Американских анналах" (т. ii. стр. 9) краткую выдержку. Нижеследующее, скопированное, с разрешения, с оригинала дневника, хранящегося сейчас в Массачусетском историческом обществе, представляет собой полный текст статьи:

Н. Б. Билль, выставленный в Фасте.

"Копия законопроекта, который я выставил в день поста, вручив его мистеру Уилларду, когда он проходил мимо, и встав во время его чтения, и поклонившись, когда закончил, после обеда.

"Сэмюэл Сьюолл, чувствуя неоднократные удары Божьи по себе и по семье; и сознавая, что в отношении вины, совершенной при открытии Комиссии Уполномоченного и Терминера в Салеме (к которой относится постановление этого дня), он, по многим причинам, более причастен, чем кто-либо из известных ему, желает взять на себя вину и стыд за это; просит прощения у людей и особенно желает молитв, чтобы Бог, обладающий неограниченной властью, простил этот грех и все другие его грехи, личные и относительные: и, согласно Своей безграничной благосклонности и суверенитету, не наведет грех его или кого-либо другого ни на себя, ни на кого-либо из своих, ни на землю; но чтобы Он мощно защитил его от всех искушений к греху на будущее время; и гарантировал ему действенное, спасительное ведение Своего Слова и Духа."

Следующая запись - первое свидетельство того, что я нашел в его дневнике, о чувствительности или сожалениях по поводу того, что он принимал участие в судебных процессах над ведьмами. Она была сделана 24 декабря 1696 года, когда его маленькая Сара лежала мертвая в его доме: "Сэм [его сын] читает мне на латыни Матфея xii. с 6-го по конец 12-го стиха. 7-й стих [Quod si nossetis quid sit, misericordiam volo, et non sacrificium, non condemnassetis inculpabiles] ужасно напомнил о Салемской трагедии".

Полное признание судьи Сьюолла, его дата и сопутствующие обстоятельства позволят исправить ошибочные впечатления о нем. Предмет признания охватывает только один пункт: "вину, совершенную при открытии покойной комиссии судей и терминаторов в Салеме". Суд

был открыт 2 июня 1692 года. Мы не можем сомневаться в характере совершенной тогда вины. Это было принятие судом правила, по которому записи, сделанные и полученные на предварительных экзаменах (которые почти полностью состояли из призрачных доказательств), представлялись, приводились к присяге и принимались в качестве законных свидетельств при рассмотрении дел обвиняемых. Из этого правила, которое было полностью незаконным, выросли все фатальные результаты Салемских процессов. Судья Сьюолл был прихожанином Сэмюэля Уилларда из Старой Южной церкви в Бостоне, который считал такие доказательства "свидетельством дьявола"; его благоразумное поведение во время судебных процессов заслуживает самой высокой оценки. Он был близким другом Инкреза и Коттона Мазера, которые придерживались аналогичных взглядов. За три дня до этого (31 марта) Коттон Мазер написал Джону Ричардсу, одному из судей, предостерегая его от использования призрачных свидетельств. Письмо, хотя и адресованное его собственному прихожанину, несомненно, предназначалось для всего суда и рассматривалось им, а сам он и его сын называют его "письмом к судьям". В письме говорится: "Если человечество до сих пор соглашалось на доверие дьявольским представлениям, то дьяволам открыта дверь, чтобы получить от судов невидимого мира лицензию на самые отвратительные опустошения репутации и репутации тех, кто был удержан от великого проступка. Возможно, найдутся мудрые и добрые люди, готовые назвать того, кто выступит с этим предостережением, *защитником ведьм*; но в конечном итоге эта осторожность, несомненно, будет востребована". (Mass. Soc.'s Hist. Coll., xxxviii. p. 393.) Перед лицом таких влияний и ассоциаций судья Сьюолл высказался в суде за легализацию показаний призраков!

Если бы не его признание, мы могли бы никогда не узнать позицию судьи Сьюолла по вопросу о спектральных свидетельствах, который в то время был главным предметом дебатов в провинции; или предположить позицию трех его бостонских единомышленников, Ричардса, Уинтропа и сержанта. Солтонстолл, живший в Хаверхилле, не присутствовал на заседаниях суда. Мнение главного судьи Стоутона в пользу допуска показаний призраков хорошо известно; а мнение трех салемских членов комиссии, Хаторна, Корвина и Гедни, мы имеем перед собой в протоколах их допросов, более зверских, чем те, что можно себе представить. Если бы четыре бостонских члена комиссии выступили против мнения Стоутона и салемских членов, в комиссии была бы ничья. Судья Сьюолл утверждает, что в совершенном преступлении "он, по многим причинам, заинтересован больше, чем кто-либо из известных ему людей". Как такое может быть? Было ли это болезненное высказывание его унылого ума; или оно имеет историческое значение? Он не был ни главой двора, ни самым влиятельным его членом. Ничто не указывает на то, что он, как и Стоутон, проявлял рвение в этом вопросе. Это замечание можно объяснить, если бы он один из бостонских судей перешел на сторону Стоутона и большинством голосов определил политику суда. Я не знаю никаких доказательств, подтверждающих эту гипотезу; и она выдвигается здесь только для того, чтобы получить дополнительную информацию о позиции трех других бостонских судей. Брэттл намекает, что члены суда не были едины в своих взглядах. Он говорит: "Но хотя главный судья и *некоторые другие судьи* проявляют большое рвение в этих разбирательствах" и т. д. Я не видел никаких доказательств того, что Ричардс, Уинтроп или Сержант после того, как политика суда была определена, не поддержали действия своих соратников. Две теории относительно дьявольского вмешательства, которые в то время были предметом дебатов, я подробно рассмотрел в North American Review, vol. cviii. pp. 337-397.

[74] 17 октября 1711 года Генеральный суд принял акт, отменяющий "несколько приговоров, решений и приговоров против" казненных лиц и нескольких осужденных, но не казненных, и объявляющий их недействительными. В декабре того же года было выделено 578 фунтов стерлингов. 12 с. были ассигнованы на оплату ущерба, понесенного лицами, преследуемыми за колдовство в 1692 году. Акт об отмене судебного приговора свидетельствует о том, что народная вера в дьявольскую природу колдовства не ослабла и через двадцать лет после тех событий. Этот акт содержится в книге "Записи о салемском колдовстве", том II, стр. 216-218. Он начинается следующим образом: "Поскольку в год Господа нашего 1692 два города в пределах этой провинции были заражены ужасным колдовством, или одержимостью дьяволами" и т. д. "Влияние и энергия злых духов, столь сильных в то время, действовали в тех, кто был главными обвинителями и свидетелями, и на них", а также то, что "некоторые из главных обвинителей и свидетелей в тех мрачных и суровых преследованиях с тех пор оказались людьми распутного и порочного поведения" - таковы причины отмены обвинительного приговора.

Чтобы показать последние мнения губернатора Хатчинсона по вопросу о том, были ли проявления в деревне Салем исключительно результатом мошенничества и самозванства, я прилагаю дополнительный абзац, которым он завершает повествование в своем окончательном варианте.

"Мнение, господствовавшее в Новой Англии в течение многих лет после этой трагедии, о том, что в ней было нечто сверхъестественное и что не все это было следствием мошенничества и самозванства, проистекало из нежелания человеческой природы отвергать ошибки, однажды принятые на веру. По мере того как главные актеры уходили со сцены, это мнение постепенно ослабевало; но, возможно, именно из-за уважения к памяти своего предка многие до сих пор не до конца в этом уверены. Есть немало людей, которые готовы предположить, что обвинители находились в состоянии телесного расстройства, которое повлияло на их воображение. Это доброе и милосердное предположение, но, похоже, оно скрывает истину от глаз. Если присмотреться, то можно убедиться, что все это было обманом и самозванством, начатым молодыми девушками, которые поначалу, возможно, думали только о том, чтобы их пожалели и побаловали, и продолженным взрослыми людьми, которые сами боялись быть обвиненными. И те, и другие, вместо того чтобы признаться в своем обмане, по легковерию судей и присяжных унесли жизни стольких невинных людей".

P.

Примечания транскриптора

- стр. 3 Изменено: Мое первое впечатление
на: Мое первое впечатление
- стр. 6 Заменено: когда он был оправдан
на: когда его оправдали
- стр. 7 Изменено: Анналы Виткрафта
на: Анналы колдовства
- стр. 21 Заменено: Ее рука была отбита
на: Ее рука была отброшена
- стр. 32 Заменено: толпа у ворот
на: толпа в тюрьмах
- Ошибка была изменена в тексте на стр. 34 и перенумерована в сноску 63.